

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 12/60

ДЕКАБРЬ 1938.

№ 12/60

СОДЕРЖАНИЕ :**Гайдар Баммат** — Да здравствует Украина!

** — Перемена "климата".

З. Авалишвили — Перед грозой?**В. Оленин** — Совершеннолетие режима.**Тамбий Елекхоти** — К украинскому вопросу.**Ш. Амiredжиби** — Марксизм, интернационал и меньшевики.**А. Кантемир** — Армянский вопрос и Кавказ.**Д-р Чачишвили** — "Кавказ" и Кавказ.**Викинг** — Американский быт, Линдберг и Иден.**Обзор печати.****Хроника.**

27 декабря 1938.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ УКРАИНА! Почти двадцатилетний заговор молчания вокруг Украины, наконец, нарушен. В железной стене, за которой задыхался многомиллионный народ, пробита брешь.

Мировая пресса пестрит статьями об Украине. Украинский вопрос стал очередным вопросом большой международной политики.

Отныне уже можно быть уверенным, что никаким враждебным силам не уда-

ется вернуть в политическую могилу воскресающий украинский народ.

Вне справедливого разрешения украинской проблемы и других неразрывно с этим связанных национальных проблем СССР ни политическое равновесие Европы, ни обеспечение необходимых условий мирного экономического развития нашего континента больше невозможно...

Мы, кавказцы, связанные с Украиной единством политических судеб и совместной борьбой против общего угнетателя, заверяем украинские политиче-

ские и общественные организации и всех украинских патриотов, что в эти решительные часы истории всеми чувствами и всеми помыслами мы с ними.

Пусть не сомневаются они, что, и здесь, на чужбине, и там на многоотрадной Родине, сердца всех кавказских патриотов бьются в унисон с сердцами доблестных борцов за независимость Украины.

Мы отлично сознаем, что в современных внутренних условиях советской России, при сложившейся международной обстановке борьба за освобождение Украины ведет и к борьбе за свободу Кавказа...

Но с Украиной нас связывают и более тесные географические и политические узы.

Независимая Украина является для нас не только постулатом нашей собственной независимости, но и одной из самых существенных гарантий прочности и безопасности будущего Кавказского государства.

Моральные скрепы, неразрывно спаявшие Украину с Кавказом в душной тюрьме народов, именованной некогда Российской Империей, и в кровавой камере пыток, носящей ныне анонимное название СССР, не могут ослабнуть. Они могут лишь множиться и крепнуть. Высшие интересы обеих стран и после освобождения от ненавистного ига Москвы, еще в большей мере чем в прошлом, будут повелительно диктовать им политику самого тесного сотрудничества и дружбы...

Поэтому мы считаем нужным и важным довести до общественного мнения всех заинтересованных стран, что в какую бы форму ни вылилась борьба ук-

раинского народа за свою независимость, какие бы размеры она ни приняла, эта священная борьба встретит самую горячую и самую активную поддержку всех вольнолюбивых народов Кавказа.

Она найдет свое отражение в деятельности наших политических организаций за границей и в нашей зарубежной прессе.

Когда настанут для того сроки, она найдет — уверены мы — необходимое эхо на местах...

Есть двигающие идеи — *idees forces* — против которых бессильны все ухищрения дипломатических канцелярий, все сложные политические и стратегические комбинации даже самых могущественных держав.

Одной из таких идей для нашего поколения оказался великий лозунг: “право народов на самоопределение”.

Выброшенный во время войны и для целей войны он оказался в таком глубоком соответствии с правосознанием всего мыслящего человечества, что к концу военных действий его моральное торжество во всем мире было абсолютным.

Надо вспомнить потрясающий эффект, произведенный на народные массы воюющих держав и нейтральных стран знаменитыми 14-ю пунктами Вильсона.

Истекшая кровью, истощенная блокадой Германия капитулировала не столько перед превосходными силами противной коалиции, сколько перед моральным величием гуманитарной декларации президента Соединенных Штатов..

Правда, собравшиеся на мирную конференцию державы победительницы

очень быстро сумели приспособить к своим видам стеснявшие их американские пункты, но обаяние идей, лежавших в их основе, было так сильно, что в целом ряде случаев авторы международных трактатов, носящих имена предместий Парижа, оказались вынужденными наклеить соответствовавший требованию мировой совести ярлык на операции даже самого грубого призыва и насилия над национальными правами побежденных стран.

Так воспрещение австрийским немцам соединиться со своими германскими соплеменниками было преподнесено мировому общественному мнению, как защита права Австрийской Республики на самоопределение.

Во имя "самоопределения" Чехо-Словакии без их согласия и явно против их воли были присоединены к новой республике судетские немцы и, не без некоторого садизма, по живому телу была искромсана Венгрия, от национального ядра которой были оторваны и переданы удачливым соседям миллионы чистокровных венгров.

Международные договоры, ревизия которых была произведена в марте и в сентябре, были конечно очень плохими договорами. Они безграмотно разбили хорошо налаженную структуру веками сложившегося экономического организма и совершили при этом ряд столь вопиющих несправедливостей в отношении побежденных народов, что в центре Европы создавался настоящий пороховой погреб, взрыв которого рано или поздно был совершенно неизбежен. На эту тему было так много сказано за последнее время, что все то что можно сказать теперь, оказалось бы повто-

рением. Но есть одна сторона этих договоров, которую мы считаем необходимым подчеркнуть. Она быть может подточила творение авторов Сен-Жерменского и Трианонского договоров больше, чем все остальные их несовершенства. Это отмеченная нами глубокая внутренняя ложь этих договоров, нестерпимая фальшь и лицемерие их моральной базы...

Пока силы, стоявшие на страже нового уродливого правопорядка в Европе, были достаточно могущественны и спаяны, пока покорная их воле Лига Наций могла служить некоей правовой завесой и давать им видимость какой то моральной санкции, бесполезны были попытки угнетенных народов привлечь к их несчастной судьбе внимание богов политического Олимпа Европы.

Там безраздельно царили Бенеш, Титулеско и всякие Литвиновы...

Понадобились глубокие сдвиги, которые произошли за последние годы в Европе и на Дальнем Востоке, понадобилось головокружительное возрождение могущества Германии, обретшей под водительством своего гениального вождя принадлежащее ей по праву место в Европе, понадобилось нарощение новой политической геометрии в виде осей Берлин-Рим, Берлин-Токио и треугольника Токио-Рим-Берлин, чтобы ревизия трактатов 1919 г. из области платонических вожделений перешла в плоскость реальных фактов.

Но было бы все же глубокой ошибкой трактовать исторические события истекающего года исключительно как результат изменившегося соотношения сил в Европе.

12-го марта, когда Австрия, как зре-

мый плод, упала в объятия Германии, без единого выстрела, без единой попытки, как внутри страны, так и вне ее, оказать хотя бы видимость самого ничтожного сопротивления аншлюсу, и 30-го сентября, когда четыре руководителя четырех самых могущественных держав Европы санкционировали в Мюнхене расчленение Чехо-Словакии, произошло нечто неизмеримо большее и в плане моральном неизмеримо более ценное, чем простая демонстрация силы.

Эти две знаменательные даты были прежде всего торжеством духа над насилием, ибо они принесли исправление кричащей международной несправедливости, против которой в моральном сознании своем не могли не протестовать лучшие представители даже тех стран, в интересах которых это беззаконие было совершенно...

По курьезной иронии судьбы случилось так, что Германия оказалась при этом в роли защитницы тех самых моральных принципов, которые в свое время провозгласили, а потом и забыли другие державы...

Не потому ли с таким облегчением вздохнула Франция, когда возникший в тревожные сентябрьские дни призрак войны рассеялся?

Война, без морального оправдания для народа столь высокой культуры, как французы, была бы слишком тяжелым испытанием...

Мюнхенский дух, животворящей струей ворвавшийся в затхлую атмосферу Европы, возродил радостные надежды у всех угнетенных народов СССР.

Расчленение Чехо-Словакии, основан-

ное на праве национальностей на самоопределение, неизбежно должно было привести к постановке Украинского вопроса. И не потому только, что в составе Чехо-Словакии оказалась Карпатская Украина, а потому что национальный принцип, легший в основу начавшегося в сентябре нового строительства Европы, по природе своей универсален. После разрешения украинской проблемы логически встанут другие национальные проблемы Востока Европы и Центральной Азии.

Возникший формально на крошечном клочке отрогов Карпатских гор украинский вопрос ставит во всей широте обширную проблему национальностей в Советской России и звучит погребальным звоном красной Москве...

В соответствии с логикой географии в порядке очереди — большой украинский вопрос. Внимание мира естественно концентрируется на нем.

Моральные права Украины неоспоримы. Многомиллионный украинский народ остро сознает свою обособленность от окружающего бурях и испытаниях он выковывал свою национальную душу и свой язык, создал свою самобытную культуру и своеобразный быт. Никто не может отказать ему в праве на создание своего собственного национального государства, раз такое право признано за Чехо-Словакией, Польшей и Югославией.

Этому может помешать только насилие. Найдутся ли у украинского народа внутренние силы и внешние союзники, чтобы осуществить свои неотъемлемые права? Весь вопрос в этом. Не станем закрывать глаза на серьезные трудности, которые придется преодолеть украин-

ским патриотам, прежде чем они дойдут до заветной цели.

Возрождение Украинского народа, создание обширного Украинского государства не может совершиться так сравнительно легко и безболезненно, как раздел Чехо-Словакии. Украинская проблема связана не только с расчленением Советской России, но затрагивает очень серьезно интересы Польши и Румынии, особенно Польши. Эти государства имеют сказать свое слово при разрешении украинского вопроса и несомненно его скажут... Вокруг Украины уже началась сложная и опасная дипломатическая игра. Для одних, как для Советской России, речь идет о жизни и смерти. Москва конечно мечтает о том, что бы в кор-

не задушить всякую волю украинского народа к самостоятельности. Другие хотели бы, если это еще возможно, ограничить и канализировать его в приемлемом для них и подконтрольном русле...

Не следует может быть преувеличивать значения некоторых дипломатических демонстраций, свидетелями которых мы были в последние дни. Но было бы легкомыслием и недооценивать их симптоматического значения и не считаться с возможностью опасных осложнений, которыми в известных условиях они могут грозить не одной только Украине. Но об этой стороне вопроса в следующий раз.

Гайдар Баммат.

ПЕРЕМЕНА Нельзя не отметить тех **“КЛИМАТА”**. изменений внутренней политической ориентации нынешнего французского правительства, которые произошли за последнее время. Решительным образом переместилось парламентское большинство, на которое опирается кабинет Эдуарда Даладье. На наших глазах только что распался во Франции “народный фронт”, руководивший политической жизнью страны вот уже более двух с половиной лет.

Разрыв радикалов с марксистами, в сущности, назревал уже давно в самом процессе государственной работы. Совершенно естественно, что партия, ставящая перед собою задачи нормального управления Францией, не могла долго сотрудничать с людьми, проникнутыми идеями интернационалов, а тем более с коммунистами, которые повиновались

даже не лишенному собственной власти интернационалу, а просто получали прямые директивы из красной сталинской Москвы.

Только соображения выборной борьбы и установившаяся уже “левая” традиция, как результат предвыборных соглашений, заставляли большинство радикалов длить тягостный для них союз образованного в 1936 г. “народного фронта”, за который всячески цеплялись обе фракции марксизма — и социалисты, и тем более коммунисты — хорошо понимая, что в случае разрыва они утратят свое привилегированное в стране положение. На самом же деле по целому ряду реальных вопросов текущей легислатуры, как и в отношении понимания основных политических задач данного момента, радикалам были ближе настроения и психология партий нацио-

нальных чем разрушительные доктрины марксистов и соответствующая им работа.

Но нынешней осенью окончательно окрепло сознание, что необходимо в интересах требуемого государственного оздоровления вернуться к испытанным нормальным приемам финансовой и социальной политики. К этому прибавились события внешние. Премьер Даладье, как и его министр иностранных дел Жорж Боннэ, опираясь в этом отношении на поддержку большинства, как своей партии, так и всей палаты, а тем более сената, опираясь также на несомненное сочувствие страны, были решительными противниками всяких авантюр, могущих привести к европейской войне, и сохраняя полный дружественный контакт с английским правительством, руководимым Чемберленом, благополучно вывели Францию из тревожной эпохи конца сентября, завершив свой образ действий знаменательным Мюнхенским соглашением — этим поворотным этапом в послевоенной истории Европы. Это был удар по мировым разрушительным силам, по интригам красной Москвы, по коммунизму, получавшему отсюда директивы.

После этого, конечно, выяснилось с очевидностью, что агенты Сталина во Франции не могут быть поддержкой нынешнему правительству. Эдуард Даладье, опираясь на резолюцию съезда радикалов, уже открыто стал обличать коммунистов, на что те в свою очередь ответили кабинету объявлением однодневной всеобщей забастовки протеста. Разумеется, ее действительный смысл был вначале представлен в ином свете и по возможности затушеван руково-

дителями французского марксизма. Они понимали, что политическая забастовка против избавившего от войны премьера будет непопулярна в широких кругах населения, и придрались к финансовым декретам нового министра Поля Рейно, принужденного ввести некоторые новые налоги как раз для оздоровления бюджета, столь отягченного хозяйничаньем кабинетов "народного фронта" с Блюмом во главе. Забастовка якобы протестовала против декретов.

Но население на этот призыв не пошло. Политический характер объявления забастовки был ясен всем, и прежде всего самому правительству, которое приняло энергичные меры.

Забастовка по-просту не состоялась, и это была решительная победа не только правительства Даладье, но и победа здравого смысла и государственного чувства в широких массах французского населения. Вожди революционного действия оказались брошенными своей собственной армией, и это сразу подорвало их еще недавний престиж.

Интересно тут отметить позицию Генеральной Конфедерации Труда, руководимой Леоном Жуо, игравшим столь значительную роль во всех событиях во Франции за последние годы. Все более уклоняясь от своего естественного пути профессиональных интересов, организация эта целиком, в лице своих вождей, Леона Жуо в первую голову, занялась вопросами политическими, стараясь диктовать свою волю, свою "левую", самую левую, якобы "пролетарскую" политику французским кабинетам. И в особенности это касалось вопросов политики внешней, где Жуо шел рука об руку с коммунистами. Он ведь и содействовал

главным образом слиянию коммунистического объединения рабочих с профессиональным синдикализмом — явление, имевшее место только во Франции вопреки решениям международных организаций. Пользуясь поддержкой и поощрением правительственных кабинетов “народного фронта”, он уже занял положение крупного политического деятеля, которого прочили в министры. Участие его рабочей организации, так называемого союза С.Ж.Т. в правительстве Блюм считал неизбежным. Кроме того, Леон Жуо персонально совмещал целый ряд ответственных должностей и званий, он был постоянным делегатом и членом всяких объединений и конгрессов, был вице-президентом Национального Экономического Совета и одним из администраторов в Банк де Франс. Полное перечисление его титулов заняло бы полстраницы, это была видная фигура среди общественных деятелей Франции.

Но его решительный призыв к забастовке, оставшийся глухим в самой среде подведомственных ему многолюдных масс, сразу низвел этого человека с пьедестала, на который вознесли его предшествовавшие события. Жуо потерял и свой вчерашний авторитет, и целый ряд официальных должностей с хорошим содержанием, которых лишило его правительство.

В трудное положение попали и социалисты. В их среде сейчас полное разногласие, могущее привести к расколу. И, во всяком случае, их лидер Леон Блюм, еще недавно легко собиравший большинство для всех поддерживаемых им резолюций, теперь принужден мириться с чрезвычайно сильной оппозицией, уже оставившей его однажды в не-

значительном меньшинстве, как раз по вопросу о внешней политике нынешнего правительства. В среде французских социалистов нарастает национальное течение, враждебное директивам интернационалов и прежде всего, конечно, директивам Москвы, а также сближению с коммунистами, чем, несмотря на внешнюю академическую полемику, несомненно грешит и Блюм, и вся его группа — г.г. Мок, Грюнбах, Маркс Дормуа и др., не говоря уже о фракции Жиромского. Представители этого нового национального течения французского социализма поддерживают внешнюю примирительную политику Даладьё в духе Мюнхенского соглашения, упроченного теперь подписанием франко-германской декларации и приездом в Париж фон Рибентропа, и считают ошибкой безоговорочный отход в оппозицию нынешнему правительству вслед за непримиримо настроенными коммунистами, которые в этом отношении принуждены повиноваться Москве. Можно предвидеть, что во Франции возникнет независимая социалистическая партия, подобная тем, что существуют, например, в Скандинавских странах, и что Леон Блюм уже их лидером не будет. Примирительные компромиссы, к которым он стремится, будут, конечно, лишь решением временным.

Но если пути социалистов и коммунистов разойдутся окончательно, то ставленники Москвы потеряют в стране последних политических защитников. Коммунизм пока еще допускается и терпится, но его положение сильно скомпрометировано и очень пошатнулось. А малейший неосторожный шаг может прямо оказаться фатальным. Между тем

ведь коммунисты не могут сидеть смиренно, — им необходимо проявлять деятельность по московским указаниям.

Таким образом на наших глазах за последнее время произошла полная перемена правительственного большинства в палате депутатов, — основная партия кабинета — радикалы — решила теперь работать с центром и с правыми, откинув в оппозицию вчерашних союзников — марксистов. Но, разумеется, одностороннего решения радикалов мало, и если правые согласились поддерживать кабинет Эдуарда Даладье, то такая поддержка неминуемо определяет и его ближайшую политику. Премьеру оказано известное политическое доверие, но ему придется его оправдать и с этим считаться.

И это прежде всего касается опять таки свободы существования коммунистической партии. Ее пропаганда будет, во всяком случае, крайне стеснена. На днях 430 французских газет напечатали призыв к правительству, выставляя следующие обвинения коммунистов: 1) эта партия стремится к гражданской войне, 2) эта партия стремится к войне внешней, 3) она добивается разрушения свободы и права собственности французского народа, 4) она представляет собою агентуру иностранного государства, — в виду этого, выполняя приказы Москвы, саботируя национальную оборону, отравляя общественное мнение, она не имеет права на легальное существование и должна быть распущена здесь, как распущена уже в 18-ти странах.

Стоит также обратить внимание на недавний приговор присяжных по делу русской певицы Плевницкой, приговоренной к 20 годам каторжной тюрьмы. Она, как известно, содействовала предательству своего мужа генерала Скоблина, который исчез, выдав председателя Общевоинского Союза ген. Миллера большевикам. Присяжные отнеслись к подсудимой с исключительной суровостью, а прокурор требовал даже бессрочной каторги.

Все эти явления несомненно создают во Франции новый "климат", как теперь принято выражаться, и снежные морозные ветры последнего месяца, дующие из ледяных русских равнин, надо думать, его уже не изменят и не охладят пыла активной борьбы с коммунизмом, стремящимся свалить нынешнее министерство.

Для нас, поработанных Москвою кавказских народов, эта новая атмосфера французской столицы весьма благоприятна. Франция, поняв все зло враждебного ей строю коммунизма, отказавшись от миража какой то якобы дружественной ей России, с большей вдумчивостью, с большим вниманием отнесется к нашим естественным требованиям и к неизбежности нового территориального размежевания на европейском Востоке, перейдя, таким образом, к своим старым освободительным традициям, чем существенно облегчится и наша столь трудная, но священная для нас работа в Европе.

3. АВАЛИШВИЛИ.

Перед грозой?

УКРАИНСКИЙ вопрос в более общей, отвлеченной форме заключается в том, быть-ли народу Украины, или не быть, в ближайшем, либо близком будущем, или когданибудь вообще, второю по численности и третьей по значению среди независимых славянских наций, — и какими путями такого положения достигнуть. Но не в этом, главным своим смысле привлек общее внимание украинский вопрос поздней осенью 1938 года, а связью своей — связью политической и географической — с устремлением германской энергии на восток, точнее на юго-восток Европы, с целью более тесного приобщения к открывающимся там “жизненным пространствам” и хозяйственным возможностям. В различных формах и неодинаковом смысле, это относится к ряду стран, а не к одной Украине. Но над последней, т. е. над главной ее частью господствуют Советы, и вопрос, так поставленный, может в определенных условиях, повлечь за собой столкновение, а может быть и войну между Германией и Советским Союзом. В данный момент нет необходимости в ближайшем обсуждении этой именно темы. Остановимся пока на другой стороне дела.

Достаточно было, при перестройке Чехо-Словацкой республики, Германии обнаружить интерес к украинскому уголку на Карпатах, возможному украинскому Пьемонту, и достаточно было украинским патриотам с понятной горячностью

поставить вопрос о независимости или автономии их страны, как немедленно обозначился сдвиг в политических взаимоотношениях непосредственно заинтересованных держав. Заинтересованных в чем? В том, чтобы сохранить под своей властью части разделенной между ними Украины.

В наши дни, чтобы ни говорили, много нового под луной, но история кое в чем иногда и повторяется. Например, наметившееся, пока в первоначальных лишь очертаниях, сближение Польши, а также и Румынии, с советской Россией, напоминает о солидарности, связывавшей в прошлом с тою-же, хоть и иной Россией Пруссию и Австро-Венгрию, участниц, вместе с первой, разделов Польши в конце ХУШ столетия. Только теперь участь Польши выпала на долю Украины, Польша же заняла по отношению к ней как бы роль Пруссии, а Румыния, получив в виде австрийской Буковины свою долю в разделе Украины, унаследовала и соответствующую этому положению охранительную позицию.

Разумеется, солидарность эта не исключает и даже не смягчает остроты антагонизма, по существу все же разделяющего, например, Польшу и Советскую Россию, а также последнюю и Румынию, по причинам территориальным и другим. А что особенно важно, сама Польша владеет, в известном смысле, ключами к разрешению украинского вопроса. У нея во всяком случае больше,

чем у кого бы то ни было опыта в деле борьбы за национальное освобождение, ей особенно должны быть понятны сходные положения, и память о собственном прошлом могла бы помочь ей в поисках удачных и плодотворных решений и у себя дома, и в области международной.

Уже приходилось отмечать, что спираль истории как то возвращается к политическим темам эпохи Брест-Литовских договоров. (См. "Кавказ", окт. 1938 г., стр. 9). Во многом жестокие и преувеличенные постановления Версальского договора 1919 г. не соответствовали мере действительно понесенного Германией поражения. Ценою огромного напряжения и долгих усилий, германский народ восстановил в последние годы свое положение великой державы во вне и упрочил свое государственное единство внутри страны. Присоединением германских частей бывшей Австро-Венгерской монархии, т. е. собственно Австрии и частей Богемии Германия, можно сказать, возместила себе в 1938 г. проигрыш войны 1914-1918 г.г., на западном фронте. И что удивительнее всего, произошло это, в таких условиях, что отношения ее к Англии и Франции скорее улучшились, чем ухудшились (см. мюнхенскую декларацию, англо-германскую, в сентябре и парижскую, франко-германскую, в декабре 1938 г.). Естественно, с ее стороны добиваться теперь, по возможности, осуществления хотя бы части задач, временно разрешенных в 1918 г. на востоке Европы, т. е. там где германские войска одержали столько побед. Третьей Империи приходится при этом, очевидно, полностью считаться с новым положением вещей, достаточно окрепшим за последние два десятилетия; и много еще

предстоит по всей вероятности дипломатических маневров и политических перемен, иной раз и неожиданных, прежде чем восточно-европейские стремления Германии окончательно оформятся, и различные слагаемые международной жизни в этих краях найдут свое равновесие.

Постановка в такое время, украинского вопроса — немедленно после коренной перестройки, по настоянию Германии, Чехо-Словацкой республики, постановка, пока лишь пробная и предварительная, не могла не заинтересовать и захватить всех кавказцев, давно привыкших связывать с вопросом об освобождении Украины в любой форме и собственные свои надежды. Необходимо поэтому остановиться на том, в какой степени связаны по существу, в делах международных, в настоящее время вопрос украинский и будущность кавказских народов.

С точки зрения, диктуемой изменениями в большой европейской политике к концу 1938 года, вопрос сводится, пожалуй, к следующему. Благодаря новейшему складу взаимоотношений между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, последняя, как всеми признается, получила некоторую свободу действий на востоке Европы. Мера этой свободы по существу едва ли кому либо известна. Неизвестно и то, в какой форме эта "свобода действий" выразится. Все это, очевидно, будет зависеть и от чрезвычайно сложных местных условий на "востоке Европы", и от большей или меньшей связанности великих держав Запада делами и заботами, их более непосредственно касающимися. Итальянские разговоры, достаточно взволно-

ванные, о Корсике, Ницце и пр., в этом отношении могут считаться достаточным показателем если не каких либо, непосредственно предстоящих "катастрофических" событий, то одного из важнейших способов отвлечения Франции и Англии от востока Европы к гораздо более жизненным для этих держав вопросам средиземноморским.

Пока, это всего лишь предвкушение той обстановки, которая может в будущем благоприятствовать, вообще говоря, попыткам Германии расширить и укрепить свои политические и хозяйственные связи на востоке Европы. Другим же не менее существенным элементом этой обстановки является давление, испытываемое Советским Союзом вследствие усиления японского фактора на Дальнем Востоке. Давление это, в виду доказанной неспособности Советов выравнять там свое положение, воспользовавшись занятостью японцев в Китае, в значительной степени, как это обнаружилось — во время недавнего чехословацкого кризиса, стесняет свободу действий коммунистической державы на фронте германского хозяйственно-политического наступления. И Советский Союз, при наличии некоторых предпосылок, может, пожалуй, оказаться на деле между германским молотом и японско-наковальной.

Солидарность и весьма вероятная согласованность в действиях Японии, Германии и Италии, трех великих держав, переживающих параллельно период имперского роста, является особенно важным обстоятельством; и бросается в глаза некоторая симметрия в этапах этого роста. Утверждению японского влияния в Манчжурии как бы отвечает завладе-

ние Италией Абиссинии. Здесь есть какое то соответствие, несмотря на коренные различия форм, приемов и задач имперской экспансии в этих двух случаях. Было бы, с другой стороны, по существу неправильно относить к этой же серии исторических событий, несмотря на их политическую и хронологическую связанность, присоединение к Германской империи в 1938 году Австрии и Судет; неправильно, потому что здесь мы имеем дело с заключительной, по многим причинам запоздавшей главой из истории национального объединения Германии, т. е. нечто коренным образом отличное от утверждения японского влияния в Манчжуию или итальянского суверенитета в Абиссинской Империи.

Если бы, по закону той же симметрии, Германии удалось утвердить свое влияние, вне своих национальных границ, где нибудь на юго-востоке Европы — допустим, что это было бы на Украине, и эта Украина была бы независимым государством, и в этом случае симметрия, о которой мы говорим, и которую пришлось бы допустить, была бы чисто внешней. Здесь, на почве роста украинской национальной идеи и стремления к народному самоутверждению в формах государственных, достигнуто было бы освобождение от власти, эту идею и это стремление отрицающей. Освобождение осуществилось бы с чужеземной помощью. Без нея оно было бы невысказанным. И помощь эта была бы не безкорыстной. Ее пришлось бы вознаградить, и в этом не было бы ничего ни удивительного, ни неожиданного.

Как бы то ни было, вопрос об Украине получил в европейской публицистике значение злобы дня и сразу занял вы-

дающееся место во внутренней политике Польши, Чехо-Словакии и Советского Союза. О томъ, окажется ли этот вопрос в ряду задач практической международной политики, и если — да, то в какой форме, пока нет полной возможности судить. Но ясно одно: предполагаемая связь германской политики с этим вопросом особенно обостряет его.

Спрашивается: в какой степени постановка вопроса об Украине влечет за собою оживление международного интереса к Кавказу? Судить об этом можно пока лишь теоретически. При этом, хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство, связанное с основными вопросами международной политики наших дней.

Допустим, как мы говорили, и как обычно предполагается, что Германия получила некоторую свободу действий на востоке Европы; и что свобода эта — очевидно, не абсолютная — выразится в стремлении Германии установить свое влияние на Украине, для этого помочь ей вернуть себе независимость и т. д.

Допустив мысленно такую перспективу — ближайшие ее очертания пока совершенно неуловимы — естественно задать себе вопрос о столь же предположительных пределах сферы, внутри которой осуществлялась бы, в какой-то, пока не поддающейся точному определению, форме, особая, преимущественная заинтересованность Германской Империи. Или более конкретно: захватывает ли эта сфера и Кавказ? Дело не в том, что к украинскому национальному вопросу тесно примыкают другие внутрисоветские национальные вопросы, как это давно и разносторонне освещено в печати. Этой стороны нашей темы мы не

думаем здесь касаться, несмотря на всю ее важность. Но было бы не лишним остановиться на одном довольно существенном обстоятельстве, связанном с предположенной нами международной обстановкой. Германия стремится расширить свое влияние в направлении, скажем условно, "украинском". Если бы имелось налицо молчаливое согласие на это великих держав Запада (все равно, чем бы это согласие ни диктовалось или подсказывалось), связанные с таким предприятием перемены, при всем их обширном местном значении, могли бы и не отразиться непосредственно на взаимоотношениях великих европейских держав, т. е. не дать повода к столкновению, в данном случае, Германии, а следовательно и Италии, с Францией и Англией. Картина, наверное, получилась бы иная, если бы в роли организационно-политической Германия оказалась бы там, откуда она могла бы грозить жизненным интересам великих держав противоположного лагеря, скажем в сфере Средиземного моря. Те кто такой угрозы вообще опасаются, могли бы, например, счесть для себя очень опасным упрочение германского влияния в непосредственном соседстве с Турцией и Ираном. Если ставить вопрос так, отсюда недалеко до вывода, что "кавказское" продолжение "украинской линии" пришлось бы решительно не по вкусу тем, кто, по различным причинам, быть может не сделал бы из "украинской линии" повода к серьезному раздору, а, напротив, скрепя сердце, махнул бы на нее рукой. Это — попутное замечание по адресу тех, кто по вполне понятным причинам, готовы за как никак открывшейся теперь украинской перспективой, может быть и не

столь близкой, рисовать себе дальнейшие, еще более привлекательные (например, с кавказской точки зрения) горизонты*).

Эти беглые замечания имеют в виду положение вещей, раскрывающееся теперь перед нами под знаком мира. При этом, много стараний прилагается к тому, чтобы мир этот как нибудь оградить и обезопасить. Задача нелегкая, и нет недостатка в подземных толчках и тревож-

*) Здесь уместно прибавить несколько слов к соображениям нашего уважаемого постоянно-го сотрудника: украинский вопрос может легко оказаться неминуемым поводом или толчком к постановке перед Европой всей вообще российской проблемы в ее целом, тем более что параллельно изменяется к худшему и внутреннее положение Советской России, которая очевидно не выдержит такого удара. Эти факты не могут, разумеется, не захватить также судьбу и Кавказа, и Туркестана, и друг. Вот в чем, главным образом, и кроется материальная связь украинского и кавказского вопросов. И к этому моменту мы должны быть готовы, потому что от нашей солидарности зависит очень многое.

Ред.

З. Авалишвили.

В. ОЛЕНИН.

Совершеннолетие режима

СОВЕТСКАЯ власть отпраздновала нынешней осенью 21-ю годовщину своего "воцарения" в России. Правильнее сказать — в Великороссии, потому что не русские части Советского Союза были насильственно присоединены позднее. Произошло новое постепенное завоевание, новое "собрание земель".

ных предзнаменованиях. Если бы, однако, практически поставленные вопросы хотя бы того же украинского национального самоопределения привели к столкновению или столкновениям, тогда, конечно, и народы Кавказа оказались бы лицом к лицу перед положением сложным, опасным, но и решительным. Это было бы положение военного времени, и многие вопросы ставились бы по иному. Сейчас, однако, порохом не пахнет, и несмотря на разговоры об Украине, с нею мысли о войне всеевропейской или всеобщей вовсе не связывают. Почему? Не потому ли, что без войны, в конце концов, оказалось возможным в 1938 г. разрешить вопросы, как австрийский и судетский, вопросы, однако, чреватые войной? Что за Украину Советы не могут не драться, в этом сомневаться нельзя. Но станут ли драться другие за Украину... и за Советы? В этом весь вопрос. "Судетский" прецедент наводит на размышления.

Но советский переворот в тогдашнем Петрограде — столице прежней России — имел место действительно 21 год тому назад. Таким образом новая власть и ее режим получили истекшей осенью аттестат совершеннолетия.

Нельзя сказать, чтобы реальное положение странного государства, офи-

циально именуемого загадочными лите-рами, соответствовало такой именно аттестации. До сих пор еще сама власть не может окончательно решить, какой собственно режим создала она на подведомственной ей территории. Руководящая партия, составляющая правительство, именуется коммунистической, но принуждена признать, в связи со всякими официальными интерпретациями, что государственного коммунизма в стране она не создала, да и создавать впредь придется при изменившихся обстоятельствах вовсе не правоверный, предполагавшийся ранее коммунизм Ленина, а нечто совсем другое, непредвиденное, в точности неизвестное и в сущности неуяснимое, чему тем не менее присваивается старое название коммунизма.

Нынче якобы страна находится еще в стадии предварительной, и то, что в ней происходит сейчас, почему то называется социализмом. Признается, конечно, что и социализм, это не доктринальный, не такой, — как обыкновенно понимать полагалось, но приспособленный к главному из существующих условий: "социализм в одной стране". Условие это, увы, несмотря на все старания, крепнет и крепнет, а за последний год принимает опасную форму полной политической изоляции Советского Союза.

Ведь Ленин делал ставку на революцию всемирную, ему хорошо было рассуждать, так сказать, на заре нового дня, — можно было себя тешить какими угодно миражами, давать самые смелые, самые утопические обещания, даже кое что уже осуществить, калечить жизнь во имя доктрины.

Но теперь, когда жизнь на советской

территории порядком уже искалечена и, пожалуй, разрушать уже больше нечего, а главное, когда картина этого разрушения, единственного в сущности большевицкого достижения, достаточно таки разоблачена и ясна всем ближним и дальним соседям, приходится поневоле отыгрываться у себя дома на собственном невежественном населении, уверяя его, что власть победеносно шествует все по тому же социалистическому пути, имея коммунизм заветной целью, но что враждебное окружение требует особой приспособляемости, ставит в необходимость до поры до времени быть во внешних отношениях таким же государством, как и все, т. е. иметь, прежде всего, сильную армию, а затем солидную денежную единицу, органы принудительного политического контроля, т. е. все главные атрибуты обычной буржуазной государственности. До райской эры коммунизма, словом, еще очень далеко.

Жонглировать всеми этими понятиями — социализм, коммунизм, демократия, буржуазия, — давать им какие угодно определения и толкования в Советской России вообще нетрудно. Население Великороссии, так легко приившее преступную власть крайнего интернационала, навязавшее ее другим народам былой империи, находится и сейчас еще в совершенно примитивной стадии умственного развития. А если оно кое что и стало уже сознавать, если пробует иной раз "пораскинуть умом", то ведь толчок к тому был дан этой самой властью и в ней привыкли все видеть источник всяческих знаний и просвещения. Есть, конечно, и некоторая внутренняя связь между большевизмом офи-

циальным, между доктринами 3-го интернационала и национально-бытовым большевизмом русских народных масс, даже связь изрядная.

Не любят этой аналогии те защитники и поклонники былой старой России, которые, более или менее благополучно пребывая в эмиграции, позабыли революционную психологию в свое время расхоронившегося народа, позабыли те проклятия, которыми на первых порах сами его осыпали. Сейчас они с негодованием отвергают всякое указание на родство большевизма и России, — народ, мол, поработен какой то ненавистной ему, чужой и чуждой властью, — вот, вот вспыхнет национальная революция, и подлинный русский народ еще себя покажет и проявит. Давно мы это слышим, но признаков пробуждения ровно никаких. И оно понятно — национальная русская революция уже в свое время произошла, докатившись до большевизма.

Вопрос этот выходит из рамок настоящей статьи, — пришлось его коснуться только мимоходом, а он требует куда более обстоятельного исследования. Если не вся, то почти вся русская литература проникнута духом противогосударственного анархизма и того смутно-идеалистического христианства, которое отрицает самые основы собственной (буржуазной) западной цивилизации, опирающейся на гражданский правопорядок древнего Рима. От русских мыслителей славянофилов через Льва Толстого — прямой путь к Бакунину и Крапоткину.

А крестьянская община? Эта веками уготованная и материальная, и мораль-

ная — база для порождения, восприятия и освоения идей коммунизма?

А самый факт, что коммунистическая власть, т. е. власть, обольщающая этими идеалами, дожила в стране до полного своего совершеннолетия когда рядом с этим каждый европейский государственный организм, даже самый слабый, изрыгает ее в первые же месяцы?

А интернациональный состав личного персонала власти? Это полное отсутствие всякого расизма даже в самых его непреложных формах? Разве это не характерно для безличной русской психологии? Главный революционный орган февральского переворота — совет рабочих и солдатских депутатов — возглавлялся грузином Чхеидзе; о роли евреев и о процентной их численности во всех российских революционных организациях нечего и говорить.

Октябрьское правительство составилось из человеческих отбросов всего мира, широкое участие в составе новой власти приняли нерусские элементы былой империи — поляки, латыши, кавказцы, евреи. Сколько уже лет самодержавно распоряжается в стране, занимая исторический великоросский Кремль, кавказец Джугашвили, и солдаты идут умирать, как это было в манчжурских боях, молитвенно произнося его имя: "да здравствует наш великий Сталин!" Его прославляют, как национального вождя, представители старой и новой интеллигенции — писатели, артисты, инженеры, врачи, — кто угодно. Другой кавказец — грузин Берия — назначен только что министром внутренних дел, а вокруг толпились и толятся всякие псевдонимы — Литвиновы и Зиновьевы, или откровенно нерусские: Дзержинские, Микоя-

ны, Орджоникидзе, Кагановичи, — в то время как Крестинские, Майские, Сурицы, Караханы, предстательствуют за границей. Все это очень характерно именно для России с ее туманно-расплывчатым бредом каких то мировых освободительных задач, с которыми шли к революционным баррикадам, где бы их ни строили, типично русские Бакунины. Это не так себе, что уже два десятилетия Россия представляет собою огромный мировой рассадник величайшей международной опасности. И если бы эта вышедшая из революции Россия оказалась сильной, способной завоевывать, поглощать — это была бы подлинная катастрофа для всего человечества.

К счастью велика только территория, но народ, несмотря на свою многолюдность, не так уж страшен. В результате происшедшей грандиозной революции и совершеннолетия выдвинутой ею власти, дело идет не к государственному укреплению, а наоборот — к распаду. Пусть только у Москвы не найдется руководимых теми или другими побуждениями могущественных союзников и покровителей, — и все искусственное здание нового великодержавия, возведенное коммунистическим интернационалом на базе характерно русского анархизма, рухнет от первого же сильного толчка.

И только такой исход, освободит, наконец, человечество от этого страшного очага мировой заразы, раскрепостив одновременно подневольные народы Советского Союза и поставив сам русский народ в подобающие ему рамки естественного органического развития. Для его собственного здоровья тоже будет лучше немного сосредоточиться на себе, выработать на законной своей тер-

риториальной площади свой более скромный национальный тип, чуждый мирового великодержавного бреда, эта роль ему не по силам, и он сам только делается жертвой международного объединения злых сил, отдавая им на служение все свои ресурсы. Очевидно, что это так и будет, что распад нынешнего Советского Союза неминуем, что нынешняя московская власть международной коммунистической организации, нашедшей в стране благоприятную для своих корней почву, — это последняя для ближайшего времени единая власть великой имперской России, которая без всяких к тому органических оснований, без всяких культурных прав насильственно овладевала чужими землями.

Большевизм ясно доказал, какую именно “культуру” несет русское господство, освобожденное от своего поверхностного европейского налета, какие на самом деле слова и понятия начертаны на победоносных знаменах русского оружия, — доказал он, что народу русскому надо самому еще пройти хорошую и трудную школу культурного воспитания, прежде чем браться за непосильную ему миссию устройства и обучения других. Придется ему порайонно, отдельными областями, во многих случаях при чужой помощи, воссоздавать нормальную трудовую жизнь, действительно продуктивную. Придется “чинить разбитые горшки” по обще-человеческим методам, окончательно отойдя от того похмелья, когда вся эта посуда билась по методам национального озорства и интернационального бандитизма. Но к этим вопросам мы еще вернемся.

Советская государственная организация, — та ли, что создалась в начале под

водительством Ленина, с ее открытыми задачами мирового коммунизма, та ли, сумбурно - запутанная, пожалуй более почвенная, а потому и более нелепая, какую олицетворяет Сталин, — никакой действительной прочности Советскому Союзу не дала. Отнюдь нельзя сказать, что она обрисовала его границы или определила демографический состав, состав населения. Тут все неопределенно и нясно, все ждет неизбежного в самом близком будущем оформлении.

Из хаоса эта государственность создавалась и к хаосу приближается заново. Как ничего не сумел достигнуть Ленин, который не расстреливал своих соратников, хотя введением “нэпа”, в сущности, отказался от собственных доктрин и задуманного им дела, так все расстрелы и пытки Сталина, все его кровавые преследования и старых, и новых сотрудников, — решительно никакой общей линии, общего понимания стране и населению не дали. Там происходит не только постоянный беспорядок управления, постоянная смена людей и систем, но и самые понятия и слова все время сбиваются и путаются, ежедневно меняя смысл и в конце концов совершенно его теряя.

Те раз’яснения, какие даются в речах и в руководящих газетах, вносят окончательный сумбур в понимание самых там привычных и, казалось бы, уже выясненных терминов. О социализме, о коммунизме твердят уже 21 год, но едва ли ктонибудь из публики в состоянии правильно сказать, что именно надо разуметь под этими словами сегодня, как надо правильно ответить на вопрос: что есть коммунизм? А ведь малейшая ошиб-

ка в ответе — это уже государственное преступление.

Вплелись за последнее время сюда и течения национальные, патриотические, которые раньше вытраивались и преследовались. Каким то таинственным образом надо сочетать сейчас реликвии исторических монастырей с кощунством безбожников, надо приплести к Марксу и к Энгельсу святого Александра Невского и князя Дмитрия Пожарского. Мудрено.

За последние два года вторглась еще “самая демократическая в мире конституция”. Оказывается, таким образом, что советский строй покоится не только на исторических твердых былой монархии, которые необходимо свято чтить, но и на великих началах свободолобивого парламентского демократизма. И все это вбивается в головы окончательно одуревших товарищей - граждан, еще вчера умевших только почесывать затылок, да и сегодня почти неграмотных.

Чего ни коснись — всюду одни лишь нелепости. Советская власть, взбудораживая и насилая умы, требуя от них величайшего напряжения, не только не воспитала и не развила своего нового поколения, но пошатнула в смутном сознании населения даже те, первобытные, подлинным еще дикарям свойственные понятия, которые в России все же раньше имелись. Такие примитивные институты, как собственность, семья, религия, — все это подвергнуто было издевательству, запрету и отрицанию. Но потом кое что снова изменено, взято назад, сегодня дозволено, завтра запрещено опять, — в конечном итоге разобраться нет никакой возможности, чего именно хочет власть и какие цели преследует. Потому невозможно и к ней приспособ-

собраться, — при всем усердии, при всем искреннем желании угождать и прислуживаться — нет решительно никаких гарантий, что не окажешься злостным вредителем и не попадешь под расстрел.

Эксперименты с армией — самый наглядный, для всех очевидный и вызывающий интерес всего мира пример полной путаницы самых основных правительственных директив. Замечательно то, что все это проделывается при той же диктатуре, при возглавлении правительства тем же человеком. Для государственной безопасности армия должна быть сильна, но для безопасности личной это уже не так, да и вообще с точки зрения коммунизма — чорт его знает, что нужно. Хорошие военные специалисты, — да, конечно, — без них обойтись трудно. Но вместе с тем это кандидаты в вожди — будущие Цезари и Наполеоны. Как характерна, например, история с Блюхером, наиболее боевым, прославленным маршалом, на кого возлагались все надежды на Дальнем Востоке. И сейчас еще прославляются на все лады якобы победы его армии у границ Манчжурии, а сам маршал был немедленно после боев изъят из обращения, выведен из строя.

Да что маршалы! тут все же еще можно сказать, что Тухачевский или Блюхер готовили переворот, новую диктатуру, могли быть опасны для нынешнего правительства, для самого Сталина. А чем был опасен какойнибудь Туполев, лучший строитель советских аэропланов? Или почему вдруг попадает в немилость Шмидт, не только полярный, но и популярный деятель, чье имя известно и в России и за границей, и который, будучи занят работой самой мир-

ной, вместе с тем очень содействовал рекламе культурных советских достижений. Именно на таких и указывают все защитники советской Москвы: “смотрите, каких она дает людей!”.

Но нынешняя московская власть их отменяет сама, а стране они тем более безразличны. Интересно тут еще отметить, до чего оказались беззащитными военные вожди, на кого падают кары Сталина. Ведь Блюхер стоял во главе особой дальневосточной армии, где то за тридевять земель, — казалось бы, вне всякой досягаемости. В его положении римские полководцы, начальники галльских или азиатских легионов, сами “переходили Рубикон”, становились императорами. Но “проконсул Дал. Востока” даже и не подумал пригрозить товарищу Сталину, а покорно склонил голову, как какойто безполый каплун, не сумевший даже по петушину похорхориться и крикнуть в последнюю минуту “ку-ка-ре-ку!”.

Печальная картина поголовной приниженности и поголовного взаимного предательства. Опереться не на что. Пусть на этот раз Блюхера помилуют, и он опять войдет в почет — это дела не меняет. Потом его снова арестуют и может быть даже расстреляют. Сегодня распоряжается Ежов. завтра его сменит грузин Берия, который начнет громить и уничтожать ежовских сподручных, заменяя их своими: народ безмолвствует. Правил евреи, сейчас правят чекисты Грузии, — не все ли равно? Страна привыкла трепетать и повиноваться. Эту национальную привычку подчеркивал еще давно — большой русский сатирик Щедрин.

Разумеется, раньше или позднее, по-

гибнет сам Сталин. Об этом мы сколько раз говорили. Уже и сейчас подозрительно, что во главе всей внутренней государственной охраны, вторым после себя человеком в Москве он поставил земляка Берия, сняв его с ответственного поста наместника в Закавказьи. Сообщают, что создан отряд личных телохранителей диктатора, составленный из мингрельцев. "Генерал-губернатором" Петербурга состоит опять таки грузин Гоглидзе. Все эти господа, конечно, окружают себя своими. Взаимная кровавая грызня временщиков и фаворитов — вчерашних и сегодняшних — ожесточается и ширится. Растет взаимная неприязнь и борьба отдельных частей Союза — областей и национальностей. Центробеж-

ные течения отмечаются решительно всеми и прежде всего центральной московской властью. Рядом с этим никак нельзя ни усмотреть, ни угадать в стране тех мало-мальски здоровых сил, среди которых могла бы образоваться новая широкая государственная база для будущего укрепления имперской России, спаянной сейчас террором и кровью разлагающегося советского режима, под развалинами которого она погибнет.

Год его совершеннолетия являет одновременно несомненную и ясную клиническую картину неизбежного рокового умирания и разложения страны. А внешние события этот процесс еще ускорят. Близок "судный день", очень близок.

В. Оленин.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

К украинскому вопросу

ПОЛИТИЧЕСКАЯ карта старого света перекраивается. События развиваются с такой головокружительной быстротой, что ежемесячному журналу трудно даже за ними поспеть. Нам остается их комментировать и устанавливать ту связь, которую они имеют с судьбой нашей родины.

Когда разразились события в Центральной Европе, мы дали в пределах нашей возможности картину этих событий, высказав твердую уверенность в том, что это лишь начало того большого движения, которое приблизит очередь освобождения и Кавказа. События по-

следних дней, в которых центральное место занимает Украина, уже приковывают к себе внимание всего мира, все более и более приближаясь к границам России. Разрешение этих больших проблем однако не так просто, чтобы уже можно было говорить о том, как готовы думать и спрашивать некоторые из наших соотечественников: "когда едем? т. е. когда возвращаемся домой?". Положение в этой украинской части света гораздо сложнее, чем это было в Чехословакии. Здесь сталкиваются интересы четырех больших государств, а именно России, Польши, Румынии и Венгрии.

Все эти четыре государства оказываются противниками независимости Украины, которая, занимая одну непрерывную территорию, разделена между ними.

Не лишним, поэтому, представляется дать картину той части Европы, в которой развязывается украинский узел. Пишу по личным воспоминаниям, так как мне пришлось побывать дважды в этих местах. О части, отошедшей к Венгрии, не буду говорить. Она незначительна. Остановимся на Галиции, отошедшей к Польше, и Буковине, отошедшей к Румынии.

Некоторые органы русской прессы считают искусственным переименование Прикарпатской Руси в Прикарпатскую Украину, доказывая, что население здесь (русины) чуть ли не является чисто русским. Чтобы понять историческое происхождение слова "Русь", нужно просто на просто вспомнить, что вообще нынешняя Украина со своей столицей Киевом всегда называлась "Русью". Не московское княжество было "Русью", а именно Киевское. Русью в X веке называлась та страна, которая сегодня известна нам под именем Украины. Московское царство это наименование перехватило от украинцев и стало себя именовать Русью, а Украину Малой Русью. Прикарпатская Русь, как часть — кровь от крови — Киевской Руси сохранила свое наименование до последних дней. Под влиянием московских завоеваний настоящая Киевская Русь отказалась от своего имени, не пожелав называться "Малой Русью", и переименовалась в Украину. Совершенно логично, что Прикарпатская Русь последовала за своей матерью и так же переименовалась в Прикарпатскую Украину.

Русины, если и отличаются диалектом от украинцев, то несомненно и по обычаям, и по образу жизни весьма близки именно украинцам.

Сентябрьские события в Чехословакии создали впервые из небольшой части этого Украинского населения автономное государство, которому суждено сыграть историческую роль в судьбе всего Украинского народа, до сего дня пребывающего в рабстве. Население — бедное, безземельное, культурно отставшее, его не всегда и не всюду можно было заметить. В Прикарпатской Руси это были русины. В Галиции они были известны по разными наименованиями, в зависимости от провинции, как напр., Подольцы, Бонки, Хузулы и т. д. Никто там никогда не называл их ни украинцами, ни русинами. Но под этими разными провинциальными названиями был всегда один и тот же народ, именуемый сегодня украинцами, который находился в полной экономической кабале у польских, венгерских помещиков и, пожалуй, в еще большей степени у евреев, которые здесь в те годы, когда я там был, довели над всем остальным населением. Безгранично и безнаказанно развитое ростовщичество превратило украинское население в настоящих рабов у евреев и помещиков в центре цивилизованной Европы. Теперь речь идет об освобождении этого многомиллионного народа от векового физического, экономического и политического рабства.

Это украинское население является абсолютно преобладающей массой населения в Галиции. Несколько слабее их позиции в Буковине, где румын насчитывается приблизительно столько же, что и украинцев, но помимо этих двух

основных элементов, здесь встречаются в компактных массах и другие народности. В долинах Прута и Серета помимо украинцев имеются поляки, венгры, чехи, в большом количестве немцы, есть и колонии наших соседей, армян*), хотя я думаю, что это скорее всего армяне, выселившиеся из Турции. Часть их группируется в окрестностях Черновиц (Польша) и Сучавы, их около 25.000 и осели они здесь еще с XI века. К этому разнообразному населению Буковины, как и в Галиции, надо прибавить кочующих цыган и неизбежного еврея, всегда в своей неизменной роли торгового посредника.

Все украинское население Галиции и Буковины, за исключением небольшой части (униаты) исповедуют православие, имея своего патриарха, если не ошибаюсь в Черновицах. Таким образом и в религиозном отношении духовная связь с Киевской Украиной вполне естественна.

Идея самоопределения народов, идея создания национальных государств не нова. Известно, что великая французская революция провозгласила лозунг национальных государств. Последняя мировая война возродила эту идею. Воюющие державы спешили декларировать права угнетенных народов на самоопределение и независимость, а Мирная конференция в Версале прошла под знаком уважения прав малых народов, формулированных в известных 14 пунктах Вильсона. Вслед за этим и большевики

широко на весь мир декларировали право малых народов на самоопределение, вплоть до отделения. На практике, однако, все эти красивые лозунги были жестоко изуродованы. Изуродованы были буквально всеми договорами, заключенными в результате войны. Что касается большевиков, то ложь, лицемерие, предательство сделались основой их политики, а народы СССР оказались в невиданном доселе рабстве. Еще лет 10 тому назад, будто бы, американское правительство предлагало европейским державам не вести с советами никаких сношений и никакой торговли с ними не иметь, ибо тогда по мысли Америки в России усилятся восстания более широкого охвата и будут они более организованными*).

Само собой разумеется, что если бы большевикам отказали в дипломатическом признании и всякого рода кредитах, пожалуй, можно сказать с большой вероятностью, что большевики до сего дня не дожили бы. Европа, однако, не выдержала. Чувство наживы преодолело, и забыты были и право самоопределения и вообще доброй памяти Вильсоновские 14 пунктов.

Особенно не понятной в этом отношении представляется недавняя политика Франции и общественные настроения, которые отражает часть парижской прессы (газеты: "Ордр", "Фигаро", "Эпок" и вся социалистическая печать). Забыв историческую традицию, заключающуюся в защите угнетенных народов и справедливо утвердившую международное

*) Некоторые из них считают себя выходцами с Кавказа.

*) Насколько точно, что такое предложение со стороны Америки последовало, сказать трудно, но слухи об этом твердо держались.

признание "благородной Франции", в послевоенную эпоху Франция не видит ни 30 миллионов растрелянных советами, ни страданий многих десятков миллионов удушаемых там народов. Всякую попытку угнетаемой Украины, Кавказа, Туркестана и др. народов освободиться от кровавого рабства Москвы здесь пытаются дискредитировать и видеть всюду интригу иностранных сил. Франция знает, что в борьбе за освобождение все народы всегда пользовались помощью дружественных держав. Ежегодно здесь чествуют годовщину освобождения Америки при участии Франции. А Чехословакия и Польша разве были созданы без помощи Франции? Почему же теперь закрывать глаза на то, что в СССР существуют Украина, Кавказ, Туркестан, Дон, Кубань и мн. др.? Почему их стремлениям к освобождению хотят поставить преграду?

Невольно вспоминается по этому случаю, как в свое время Лев Толстой, намекая на франко-русский союз, говорил, что республиканская Франция безоговорочно поддерживает самый реакционный режим в Европе, и это было в то время, когда Франция почиталась всюду страной свободы, равенства и вообще всяких передовых идей. Как и теперь, тогда тоже Париж был полон всякого рода политическими эмигрантами, в частности и польскими. Судьбе было угодно, чтобы Франция и в наши дни оказала спасительную поддержку наиболее отвратительному кровавому режиму советской России. Франция, благородно сохранявшая 10 лет дипломатическую легацию Грузии (вокруг которой, если бы в легации были кавказские патриоты, можно было бы создать великое де-

ло Кавказского освобождения) одним росчерком пера в угоду красным тиранам ее ликвидировала. Франция же, как красную деву, стала выводить в свет правительство этих кровавых тиранов, она же втащила их в Лигу Наций, она же создала им репутацию державы, защищающей мир. Словом, свободные демократии забыли самый крупный демократический идеал, а именно свободу национального самоопределения. Этот идеал всех революций выпал, и вот уже 20 лет, как фактически отвергается в демократических странах. Будем надеяться, что перелом неизбежен.

Много пострадавшая сама в результате неудачной войны Германия, естественно, подняла поправленную идею о свободе угнетенных народов и систематически и методически сочувственно поддерживает всех в рамках национальных государств. В процессе этой освободительной политики мир очутился в преддверии Украинской независимости. Все как будто бы предвещает и нам зарю светлого будущего.

Но на фоне этих событий появился силуэт Польши. Еще так недавно ратовавшая за принцип самоопределения, за организацию Восточной и Центральной Европы на началах национальных государств, и на основании этого принципа захватившая Тешенскую область, Польша сегодня как бы решила остановить совместно с... советами, с заклятыми ее врагами, исторический процесс великого освобождения угнетенных народов.

Эта политика является совершенным отходом от всей истории Польши и ее вековых традиций. Кто не знает из кавказцев, что в борьбе нашего великого Шамиля с Россией поляки оказывали ему

весьма действенную помощь? Кто не знает того, что это был поляк артиллерист Якубович, организовавший артиллерию Шамиля? Да и теперь сочувственное отношение польского народа к идее независимости угнетенных народов, в СССР — общеизвестно. Известно было и отношение к этой проблеме великого польского патриота и создателя Польши Пилсудского, — вот почему последние известия из Варшавы вызывают во всех угнетенных народах крайнее недоумение. Возможно ли сближение Польши с советами за счет угнетаемых Украины, Кавказа, Туркестана и др. народов? Вот вопросы, которые волнуют всех тех, кто с дружеским чувством следили вот уже 20 лет за развитием и эволюцией польской государственности.

Вся история Польши повелительно диктует необходимость сговора сегодня с украинцами. Уже при разрешении чешско-венгерского размежевания мы в предыдущем номере “Кавказа” указывали, что в интересах угнетенных народов в СССР было создание Прикарпатской Украины. Без независимой Украины весьма затрудняется и создание независимого Кавказа, Туркестана, а уж о независимости Дона и Кубани и говорить не приходится. Таким образом, уже тогда в вопросе чехо-венгерского размежевания Польша стала на позицию, сильно затруднявшую борьбу в первую голову Украины, а затем и борьбу нашу за независимость. Отказавшись от сговора с украинцами и поставив их в положение новых судетов, с одной стороны, и отправившись в Москву для сговора про-

тив Украины, Польша изменяет своим историческим традициям, оставляя и нас на растерзание кровавой Москвы. Конечно, последнее слово еще не сказано, но все же нельзя скрывать серьезных подозрений, и думается, что будь жив Пилсудский, оснований к тому не было бы.

Гарантирует ли эта новая политика Великую Польшу? Оглядываясь вглубь истории, увы, утвердительного ответа не находим. Мы считаем, что новая политическая ориентация Польши, согласно той же истории, наоборот чревата большими опасностями именно для Польши. Мы не думаем, что бы ход истории могли остановить какие бы то ни было союзы с Москвой. Союзы затруднят и могут, пожалуй, отдалить наше освобождение, но день этот, конечно, последует, и уже видно зарево восходящего солнца.

Сегодняшняя политика Польши ни в какой мере не вяжется с той политикой, которую независимая Польша вела с первого дня своего освобождения, как в Восточной Европе, так равно и в Центральной. Не будем отчаиваться, — в дружбе с Москвой поляки не могут зайти очень далеко. Благополучие и независимость Польши требуют сговора со своими европейскими соседями, а не с чуждой и непримиримо враждебной ей Москвой. Российский империализм, каков бы он ни был — красный или белый — до сих пор еще метит на Варшаву, и опасность для нее — в Москве, а не в Киеве.

Тамбий Елекхоти.

Ш. АМИРЕДЖИБИ.

Марксизм, интернационал и меньшевики

ЕСЛИ за все время существования нашего журнала мы так часто и страстно спорили с меньшевиками, изобличали их марксизм и клеймили их политику, то, конечно, не для того, чтобы направить их, а тем более вернуть в лоно грузинской национальной мысли, а исключительно, чтобы лишний раз показать шатающимся и не крепким элементам грузинской эмиграции, что требовать от марксистов национальной догмы — все равно что ждать от козла молока.

Доведенная собственной политикой до полного разгрома, не пользующаяся уже никаким влиянием в стране и насчитывающая в своей среде только кучку бывших министров и столько же пропагандистов марксизма, партия эта Грузии больше не нужна. Она сорок лет мучила Грузию, проповедывала русицизм, была сама русской партией и была раздавлена родственной, но более могущественной силой, разгромившей и русских меньшевиков.

Было бы весьма опасно и даже большим несчастьем для грузинского дела, если бы эта партия грузинской деревеньщины и жакерии, возглавляемая в большинстве деклассированными дворянами, умела маневрировать и вводить еще людей в заблуждение.

К счастью этого нет. Обмануть меньшевики никого больше не могут.

Национальная жизнь народов обновляется. Хитлеризм и Фашизм создали новую эпоху в истории человечества. Эта

эпоха знаменует собою полное искоренение марксизма из политического обихода современных народов и внедрение ясных и точных национальных идей. Международный марксизм в наши дни находится в бегах. Он выкинут уже из жизни многих стран. Второй интернационал в большинстве состоит из “вышвырнутых к чорту” марксистских партий. Наконец, сами грузинские меньшевики не что иное, как партия разгромленная и выброшенная из Грузии другой фракцией марксизма — большевиками.

Но упорство и твердолобие грузинских меньшевиков баснословно! Вера их в марксизм неистребима. Они то и дело манифестируют всесветно, что марксизм все таки их идеал, и что они по старому преданы заветам социалистического интернационала. Сталин из Москвы внушает миру, что Грузия на то и существует, чтобы защищать большевизм, в эмиграции Жордания и Чхенкели шлют по случаю смерти Каутского — телеграмму **“от всего грузинского народа”!** Грузинский народ занесен в “списки” марксизма. До такого цинизма не доходил еще ни один представитель марксистского кагала. Ради некоего приличия все же считалось до сих пор, что пресловутый Вандервельде, например, “представляет” бельгийскую социалистическую партию, но не бельгийский народ, а пресловутый Жиромский — французскую партию.

Но г.г. Жордания и Чхенкели распоряжаются Грузией, как своей вотчи-

ной. Оказывается, смерть марксистского болтуна старика Каутского оплакивает **“весь грузинский народ”!**? Номера двух меньшевицких журналов: “Брдолис Хма” и “Дамоукидебели Сакартвело” полны статей разных бездарных авторов, прославляющих умершего начетчика марксизма, самый марксизм и Интернационал.

Этого не достаточно — и тот же самый “Дамоукидебели Сакартвело” в следующем номере, снова трактует о том, какое имеет великое значение для грузинского народа то обстоятельство, что меньшевики состоят в Интернационале.

«Известно, — говорит журнал, — что с Интернационалом сотрудничает много влиятельных лиц, бывших министров, или лиц, могущих стать министрами завтра, напр., в Англии или во Франции. Непосредственная связь с ними грузинской секции, приращение их симпатий к нашему народу, должно явиться одной из важнейших задач нашей национальной деятельности за границей».

Это говорится про лиц, которые станут министрами “завтра”. Но как быть с теми, которые уже сегодня состоят министрами?

И вот как бы в ответ на такой самонапрашивающийся вопрос, вслед за передовицей, заключенной словами, которые нами только что приведены, тянется гнуснейшая статья, совершенно опростоволосившегося г. Р. Ингило, начинающаяся так:

«Я нисколько не разделяю того мнения, что Чехословакию разодрали якобы во имя осуществления принципа самоопределения народов. Не верю так же, чтобы это событие являло собою что либо конкретное, либо какуюнибудь надежную опору в будущем для народов переживающих так же чужеземное иго».

Это пишет **“Дамоукидебели Сакартвело”!**

Итак, какойнибудь марксист, сегодня заседающий в экзекutive Интернационала и могущий завтра стать министром, — тот может спасти Грузию! Но принцип самоопределения народов, выдвинутый могущественным человеком нашей эпохи, и уже принесший национальную свободу не только судетским немцам, но и венгерцам и полякам, и давший автономию словакам и карпато-украинцам — это не надежный, не предвещающий ничего и другим подневольным народам исторический факт.

Мы очень рады, что журнал г. Чхенкели, меньшевика и бывшего министра Грузии, так разоткровенничался и, наконец, очень ясно сказал, чему верят грузинские меньшевики и чему они не верят.

Мы верим совсем в обратное.

Жиромские еще долго могут не стать министрами. Можно надеяться, что совсем не станут. Но принцип самоопределения народов, выдвинутый жизнью на примере Чехословакии, уже стремится вдаль, совершенно не считаясь с тем, как думают сегодня, по заказу, г. Чхенкели и его сотрудники.

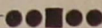
Меньшевику Чхенкели, видимо, трудно обнять своим умом, какое, в сущности, недомыслие представляет его теория. Интернационал все же кухня мировой революции, а не кузница независимости народов. К тому же он черезчур близкое существо Коминтерну, в решительную минуту обязанное быть с последним, а не с Грузией. Разве не ясно, в таком случае, что грузинский вопрос, отданный на попечение марксистов, в

лучшем случае, может вернуться к тому, кто и владеет Грузией в настоящее время.

Но быть может г. Чхенкели и меньшевики этого и хотят. Быть может настал момент, когда и меньшевики долж-

ны открыто стать по ту сторону баррикады — спасти общий им марксизм и мировую революцию?!

Ш. Амiredжиби.

А. НАНТЕМИР.

Армянский вопрос и Кавказ

II*).

В СХЕМАТИЧЕСКОМ перечне событий, неизбежно приближавших кавказскую катастрофу, мы указали на отрицательное действие армянской политики, погнавшей за двумя зайцами "двуединой" Армении в эпоху, когда Россия и Турция были охвачены революцией и восстаниями и когда со стороны кавказцев, в том числе армян, требовалось особенно чуткое отношение к природе событий, кипевших по обе стороны Кавказского хребта. От правильной и солидарной оценки характера этих революций зависела судьба Кавказа, располагавшего достаточными средствами и силой для того, чтобы остановить лавину, катившуюся с севера, и предотвратить контакт, к которому стремились через голову Кавказа большевики и кемалисты.

К сожалению большевизм и кемализм не были оценены по достоинству: Кавказ не использовал своих возможностей ни в дружбе с национальной Турцией, ни в борьбе с советским империализмом.

А выход из положения напрашивался сам собой. Окажи национальный Кавказ некоторую помощь турецким националистам, задыхавшимся у себя, — необходимость турецко-советской дружбы этим бы парализовалась и, таким образом, при обороне общими усилиями пограничная линия с Россией легла бы там, где ей надлежит быть — по Куме, а не по Араксу.

Ничего этого не случилось, т. к. в то время армяне, переодетые в русские и французские шинели, устраивали диверсии в тылу Карабаха и Киликии, Грузию раз'едал меньшевицкий марксизм, родственной советской доктрине, Азербайджан безвольно метался в гущу накопившейся нефти, которую мусаватские правительства все хотели продать на 5 копеек дороже за пуд, а Северный Кавказ истекал кровью, отстаивая в одиночестве кавказскую независимость на северной границе.

При таких обстоятельствах, разумеется, большевицкая лава легко перекинулась через весь Кавказ, с намерением стремительно помчаться свои волны к бас-

*) См. «Кавказ» № 7/55.

сейну Средиземного моря, и кто знает, как пошла бы история, если бы большевицкая стихия не натолкнулась на сопротивление турецкого национализма. По линии Карского договора выросла стена, до сих пор являющаяся водоразделом между коммунизмом и национализмом на Востоке.

Часть грузинской эмиграции, возглавляемой меньшевиками, и армянская эмиграция целиком, кстати сказать, весьма многочисленная и преимущественно состоящая из турецких армян, после пятнадцатилетнего топтания вдруг как бы спеша на помощь Советам, заговорила именно по поводу этой стены, оказавшейся каким то своеобразным пробным камнем в вопросах кавказской политической ориентации.

Между тем, причину надо видеть в саботаже кавказской борьбы армянскими руководителями и в ошибочных расчётах последних в отношении России.

Армянская революционная партия "Дашнакцутюн" долгое время верила в благодетельную роль сначала царского, а потом советского правительства в деле осуществления национальных чаяний своего народа.

Даже после февральского восстания Врациана (1921 г.) — этого подлинно героического национального порыва — дашнаки не отдавали себе отчета в сущности лживой и вероломной советской политики. Они продолжали верить в возможность сотрудничества с советской Россией. Отсюда возник договор, подписанный республиканским правительством Армении и советским представителем Лиграном на другой день после капитуляции Врациана, и пункты которого обещают: "членов партии

"Дашнакцутюн" и партии социал-демократов не подвергать преследованию, допустить двух левых дашнакцаканов в ревком по соглашению с компартией".

Наконец, следует характерный для неизменных армянских настроений пункт 7-й, касательно внешней защиты: "Советское правительство России принимает меры к сосредоточению в СССР Армении необходимого для ее защиты количества войск"...

Против кого?..

Однако, более близкое соприкосновение с большевиками в течение последующих кровавых десятилетий показало, сколь ошибочны и легкомысленны были расчеты армянских политических руководителей на сов. Россию, "сосредоточившую" достаточную военную силу в Армении, но отнюдь не для защиты, а для порабощения последней.

Надо признать, что советско-армянские отношения имели свой медовый месяц. В начале Москвой были сделаны некоторые поблажки новозавоеванной Армении и даже было репатриировано из Сирии около пяти тысяч армянских беженцев. Но это лишь была обычная советская игра и расчетливая пропаганда, за которыми вскоре последовал ужасающий истребительный террор, от которого и сегодня несчастные армяне бегут куда глаза глядят, если только представляется какая нибудь возможность к этому. Казалось бы, после этих страданий, угрожающих физическому существованию армянского народа, в армянской эмиграции не должно быть двух мнений относительно советской власти.

Увы, это не так. Армянская эмиграция еще не прозрела, или остается к страданиям своих братьев глухой. Ар-

мянская эмигрантская пресса, — хорошо организованная во всех странах старого и нового света, полемизируя с "Кавказом" по поводу южных границ, изрекает истины, малоутешительные не только для кавказских соседей, но и для самого армянского народа.

Армянская эмиграция разделяется на два лагеря, в которых, с одной стороны, мы видим все тех же дашнаков, с другой — новую организацию "Рамкавар" — состоящую из турецких беженцев.

Позиция армянских дашнаков, все остающихся "самостийниками", в сильной степени напоминает положение жены унтера, которая высекла себя сама, — она полна сомнений, колебаний, пессимизма, скупо говорит и все продолжает держать острие своего оружия против юга.

За то "Рамкавар", закрыв уши и глаза на страдания своего народа под советским режимом, как ни в чем не бывало, неустанно, с чисто большевицкой беззастенчивостью превозносит прелесть советского рая, стараясь оградить последний от каких бы то ни было посягательств:

"Итти с кавказской эмиграцией против Москвы — значит разрушить основу безопасности и процветания армянского народа" — подает голос бостонский "Пайкар" (8.VI.38) из прекрасного далека. Нам нет нужды рыться в публикациях этих большевизанов, выросших в обстановке далекой и веками оторванной от кавказской Армении. Кавказских армян мы рассматриваем, как членов нашей семьи, и это обстоятельство заставляет нас быть более внимательными и чувствительными к их настроениям и действиям.

Речь идет о создании единой кавказской государственности, в тяжелых условиях переживаемой нами сложной эпохи, сулящей однако надежды на лучшее будущее Кавказа, если руководящие кавказские течения найдут в себе волю и мудрость.

Мы находим на страницах фашистского "Айреника" (1 мая 1938 г.) один абзац, объединяющий, как основной постулат, некоторых дашнаков с частью грузинской эмиграции: "Грузинские политические деятели стали яснее видеть грозившую народам Кавказа турецкую опасность, и вот они решили с армянами организовать общий фронт против Турции". Джамалян, повидимому, справедливо считаясь с тем, что этот фронт мало что мог бы изменить во внешнем мире спешит впасть в область другого заблуждения, утешаясь надеждой, что "Турция может развалиться, даже раньше, чем Россия".

В самом деле, необходимо иметь то или иное определенное отношение к Турции, с которой Кавказ связан непосредственным соседством, и вытекающими из него экономическими и культурно-национальными отношениями.

"Кавказ" рекомендует дружбу, основанную не столько на чувствах, но главным образом на трезвом расчете и гармонии интересов.

Формула грузин меньшевицкого толка и части армянской эмиграции уже приведена выше. Она делает свои расчеты на "развале" Турции. Были и такие близорукие, которые полагали, что день такого развала Турции связан с личностью Ататюрка, после смерти которого рухнет народ с семивековым государственным прошлым и в том числе сотрет-

ся и пограничная линия злополучного Карского договора.

Все эти расчеты отдают детскою наивностью, политическою близорукостью и гневом, заслуживающим лучшего применения.

В самом деле, Ататюрк умер, и после этого Турция не только не впала в анархию и в небытие, но подчеркнув еще раз свою привязанность к принципам национального кемалистского государства, продолжает идти вперед твердыми шагами.

Все меняется в этом мире, и люди живут и развиваются сообразно законам реальности, или же становятся жертвой своего слепого безумия, когда не считаются с ней.

Великие нации потому и велики, что в продолжении долгих веков умели направлять свою национальную политику, ловко избегая препятствий, которыми полна жизнь, или разрушая их, когда это возможно.

Считаю полезным привести здесь слова английской газеты "Таймс", которая когда то держалась того же мнения, что сегодня Джамалыны, и Церетели, предлагающие туркам по устаревшему шаблону Ллойд-Джорджа, "обратиться с мест, ими заселенных, даже в большинстве, туда, откуда они пришли", т. е. в Сибирь! ("Тетри Георги", октябрь 1938 года).

Англичане, когда то воспитывавшие армянских националистов, сегодня думают иначе. "Таймс" пишет по поводу

смерти Ататюрка: "До недавнего времени Турция считалась бесполезным государством, случайно втесавшимся в Европу. В эпоху упадка Оттоманской Империи попытки убрать Турцию обратно в Центральную Азию, поощрялись и одобрялись со стороны европейских народов. Но Турция Ататюрка перевернула все эти чувства нетерпения.

Сегодня она стала полезным и необходимым государством, работающим с Европой на пути умиротворения".

Никто не хочет отуречить Кавказ, но рекомендовать благоразумное отношение к этому фактору, признаваемому сегодня полезным во всем цивилизованном мире, необходимо в интересах действительно независимого Кавказа. Мы имели много случаев привести выдержки из турецкой прессы, которая, как двадцать лет тому назад, так и сегодня, была и осталась сторонницей армянской независимости, разумеется в пределах кавказских, точно определенных в Батуме и скрепленных клятвенными заверениями армянского министра Хатисяна.

Мы хотим верить, что ответственные армянские руководители отдадут себе отчет в окружающей реальности и недоверчивое, а зачастую и враждебное, отношение к соседям уступит место чувствам солидарности, необходимой для совместной жизни и национально-государственного развития кавказских народов, прежде всего истомленного в несчастьях — армянского.

А. Кантемир.

Д-р ЧАЧИАШВИЛИ.

„Кавказ“ и Кавказ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА)

ИСПОЛНИЛОСЬ пять лет со дня появления журнала „Кавказ“, органа национальной мысли в борьбе за единство кавказских народов.

Мысль о создании единого и независимого Кавказского государства не является новой, но ее медленное созревание застало нас на чужбине, и хотя бы даже теоретическая разработка вопроса общими силами стала возможна лишь в условиях эмиграции.

Это имело то преимущество, что мы бы могли в относительно спокойных условиях основательно изучить и всесторонне осветить все соответствующие вопросы.

Здоровая оценка, обмен мнений в чисто академических рамках — могли послужить в будущем основой кавказского единомыслия.

Практическое осуществление работы оказалось, к сожалению, иным, и критика „Кавказа“ принимала не раз настолько бессмысленный характер, что останавливаться на ней даже не стоит.

Нет, конечно, сомнения, что поставленный перед нами вопрос, помимо независимых от нас причин, чреват многими трудностями внутреннего характера, легко понятными всякому вдумчивому кавказцу. В существующих условиях приходится довольствоваться тем, что необходимость сговора и создание единства, хотя бы в форме конфедерации,

уже признается большинством кавказцев.

Что касается журнала „Кавказ“, то проведенная в исключительно тяжелых условиях работа за истекшие пять лет и коренные сдвиги, происшедшие в политической жизни западной Европы, — разрешают нам оглянуться на пройденный путь и подвести некоторые итоги.

Здесь не лишне напомнить читателю о тех затруднениях, как внутри, так и извне, которые существовали в эпоху появления небольшой группы кавказских патриотов на арену активной политической борьбы: материальная необеспеченность, взаимное недоверие в эмиграции, потеря престижа и разложение старых политических партий, отсутствие активности „единого прометеевского фронта“ с его беспомощностью перед надвигающимися событиями, не ясная и не устойчивая политическая ситуация западной Европы, созданная давлением наступающего марксизма и заигрывание Лиги Наций с кровавым большевизмом, все это достаточно характеризует настроение той эпохи, вовсе не благоприятное оптимистическим надеждам.

В подобные моменты необходимы сильные духом борцы с железной волей для достижения цели.

Вокруг „Кавказа“ сплотились в общей работе отдельные личности, за которыми все еще не отставшее от марк-

сизма общество не особенно было склонно признавать политическую силу, даже отдавая должное их неоспоримым личным качествам. В малодушном бегстве в сознательной оппозиции оказались признанные политики, подчас с известными репутациями. Но близкому будущему не трудно было однако рассеять эту "тонкую" политическую интригу.

"Кавказ" с первого дня резко отмежевался от психологии, созданной банкротством политиков меньшевицкой школы. Это выступление являлось мощным протестом против укоренившихся методов политической борьбы. Среди хилой оппозиции он занял свое собственное положение с новыми формами организации и тактики.

Уже тогда предвидя неминуемость краха всеразлагающего марксизма "Кавказ" стал в первую шеренгу, относительно еще слабого антимарксистского фронта. Объявил открытую и непримиримую борьбу антикавказским силам в лице второго и третьего интернационалов. Оставив временно в стороне социально-экономические вопросы, как лишённые непосредственной актуальности, он противопоставил существующему партикуляризму здоровый кавказский национализм с единой моралью и задачей, диктуемой условиями реальной политики.

За исходное положение в предстоящей практической работе он признал "справедливо или несправедливо" существующее территориальное статус кво. Он принялся за восстановление поколебленных добрососедских отношений с южными соседями.

Этот то минимум программы и был причиной грозного гнева меньшевизма и его мягкотелых оппозиционеров.

Но на наших глазах происходящие события, как в Европе, так и в Азии, с легкостью доказали правильность политического диагноза и взятого курса.

Едва пожав первые плоды трехлетней интенсивной работы (к счастью не вполне замеченной среди врагов) в области понимания внешней политики, "Кавказу" было суждено вкусить горечь неблагодарной реакции, со стороны, с позволения сказать, политической эмиграции.

Без малого два года "Кавказ" и его сотрудники являются объектом самых бессмысленных нападок, диффамации, провокации, доносов и даже угроз, конечно, ни чего общего не имеющих ни с общекавказским делом, ни с политикой "Кавказа" в частности. Таков удел тех, кого подобная "оппозиция" может только стимулировать и укреплять.

Среди общей разрухи и чуть ли не ежедневных провалов прометеевских руководителей, незаметно для многих "Кавказ" твердо стал на передовую позицию активной кавказской политики, отстраняя других.

С этим фактом приходится уже считаться, и справедливость требует отдать должное руководителям "Кавказа".

Ведь они вывели эмиграцию из латаргического состояния и как бы вернули ей застывший динамизм. Надо уметь ценить ту положительную работу, которую они проделали в наших условиях. Широко поставленная пропаганда кавказского вопроса в Европе, как и создание общекавказского офиса в Берлине, являются неоспоримыми фактами их достижений.

Уже этим "Кавказ" реабилитировал эмиграцию в глазах друзей и разочарованного в ней народа и открыл ему новые перспективы, к которым возможен переход.

Это другая, следующая сторона кавказского вопроса, наиболее трудная внутренняя сторона, т. е. практическое проведение в жизнь намеченного кавказского единства.

Вопрос, как уже сказано — трудный, требующий бережного и осторожного подхода, ибо на смену отдельным единицам должны стать массы: разрешение вопроса зависит от сознания и подготовки этих широких масс и целых народов, — а они находятся далеко на родине, к тому же в условиях, очень неблагоприятных к восприятию наших, хотя бы и здоровых идей.

Здесь и начинается роль нашего "второго поколения", и каждого истинного кавказского патриота. Путь намеченный сложен, но чем он труднее, тем солиднее и упорнее будет здание, фундамент которого уже заложен там костями и кровью кавказцев, скованных одной волей и борющихся за одну идею — за свободу и самоопределение.

Нет места колебанию и малодушию, необходимо работать и действовать обдуманно, при большой выдержке и затрате моральной и физической энергии.

Подойдем смело вплотную ко всем жизненным вопросам одинаково всех касающимся. Отбросим никчемные комбинации и ненужные дипломатические изощрения, часто отвлекающие от дела, жертвой чего стало наше старое поколение — фанатики марксизма. Будем проще,

будем практичны и откровенны, и самые трудные вопросы станут разрешаться много легче.

Жить прошлым, плакать о потерянном рае, мечтать о неосуществимом, предоставим другим, — это не дело истинных борцов.

Тяжелая, но благодарная участь выпала нашему поколению. Необходимо ее почувствовать и осознать.

Кому же, как не нам и нашей смене, поправлять ошибки былых наивных правительств, повергших по своей вине народы в неслыханные бедствия? Кому же, как не нам, нести на наших, в борьбе закаленных, плечах всю тяжесть создавшегося положения? Повторение ошибок старших недопустимо и ни чем оправдано быть не может.

Измученный в борьбе и задавленный террором Кавказ нуждается в отдыхе и в спокойном труде. На нас лежит обязанность освободить и сплотить его в продуктивной и культурной работе под знаменем общего мира.

Отказ от личных вожделиний во имя общего благосостояния всегда был и будет достоянием избранных, и если каждый из нас кавказцев, уже осознал сущность и важность намеченной цели, можно быть уверенным, что найдутся и пути достижения.

Но не забудем и наших недостатков: при всех оптимистических настроениях нам не удалось пока достигнуть желаемого единства из за отсутствия четвертого равноправного соседа — армян. Нет сомнения, что положение их на много сложнее и деликатнее нашего. Однако, пробуждающийся интерес к нашему движению дает чувствовать о себе в полемических статьях армянских политиче-

ских деятелей во многих изданиях эмигрантского рассеяния.

Передовая статья Афинского "Норора", в частности, дает надежду, что армянский народ уже почувствовал первые биения здорового кавказского сердца.

И вот оглянувшись на прошлое, богатое опытом, мы, готовые к новым ударам, с удвоенной энергией вступаем в многообещающий 1939-й год.

Доктор Чачиашвили.

ВИКИНГ.

Американский быт, Линдберг и Иден

В ЧЕМ провинился Линдберг?

Он позволил себе дать очень не лестный отзыв о советской авиации и вообще высказался отрицательно о достижениях страны Советов, где побывал нынешним летом. При этом никогда Линдберг нигде не выступал с каким-либо официальным заявлением, а говорил лишь в частном доме и в частной беседе. Но, разумеется, его подслушали и вынесли на страницы газет мнение знаменитого авиатора. Вина его усугубляется еще тем, что он выдвинул качества авиации германской — первой в мире, по его мнению.

Казалось бы, это лишь мнение технического эксперта — не более. Но от Линдберга, при его мировой славе, непременно требовали решительной похвалы Советам, ибо до сих пор еще популярность среди так называемого мирового общественного мнения, тесно связана с благожелательным отношением к Москве, к ее смелым исканиям и достижениям. И вдруг, этот человек отдает предпочтение "ненавистной тоталитарной" Германии. Пусть дело касается

только аэропланов — говорить этого нельзя.

Вот до чего сильны еще те "злые силы", о которых писал на страницах "Кавказа" В. Оленин и под покровительством которых находится советская Москва. Периодическая печать так называемых демократических стран, особенно в Америке, равно как и другие средства информации и рекламы, в преобладающей мере находятся еще в руках агентов и приспешников этих "злых сил", и отзыв Линдберга так ему даром и не прошел.

Телеграфные агентства, газеты, журналы, радио — все это в один голос заговорило о "закате" Линдберга, о полном падении его былой популярности, прежде всего, конечно, в штатах Сев. Америки. Там и раньше уже косились на великого авиатора за его бегство в Европу, но все же считались с недавней славой национального героя, первого перелетевшего в авионе Атлантический океан. Теперь новую волну неудовольствия стараются поднять против Линд-

берга в связи с его отзывом о Москве и о преимуществах Германии.

Широкие массы Америки чрезвычайно легковверны. Былой пуританизм вылился там в форму господства определенных предвзятых понятий, почерпнутых из старого лексикона условных нравственных добродетелей, теперь уже часто лицемерных, и из рутинных формул демократизма, в сущности уже отживших. Там широко распространена та психология, которую удачно кто то назвал "психологией старых дев". Публика готова почти не видеть тут же совершающихся злодейств и преступлений, и неистово возмущается, когда ее натравливают на другое и преподносят ей те или другие известия в тенденциозном освещении. Главное — говорить прекрасные слова о демократизме, о равенстве, о великих свободах, о необходимости их защиты, — и так легко тогда натравливать против всех тех, кто якобы угрожает этим священным благам культурного человечества. Таким путем создается общественное мнение, а какая именно ведется на самом деле работа под прикрытием честного знамени — в этом публика не только не разбирается, но даже и слушать не хочет разоблачителей. Ей живется гораздо покойнее, не разбираясь: все так хорошо, ясно и точно написано в печатных строках.

Итак — с этой точки зрения репутация Линдберга сильно пошатнулась — что то он делает и говорит нехорошее, несоответствующее принятым понятиям. Но Америка не может жить без героев, ей надо непременно кого то превозносить, создавать очередную сенсацию. Да и газеты в этом нуждаются.

Поэтому то, сославшись сначала на

"закат" Линдберга, упомянув попутно, что он окончательно утерел место фаворита, когда то приковывавшего внимание, авторы статей и корреспонденций выдвигают уже некоторое время на первый план только что побывавшего в Америке Идена, которого "общественное мнение мира" прочит в будуще премьеры Англии и спасители настоящей демократии, попираемой диктаторами и их другом — Чемберленом.

Обратите внимание на то, что Чемберлен, который действительно спас в сентябре человечество от подготовленной уже издавна общей войны, все же не получил нобелевской премии мира, хотя, конечно, заслужил ее гораздо больше, чем в свое время Штреземан или Бриан, которые заключали свои соглашения, когда ни о какой войне не могло быть и речи. Но такова уж сила пропаганды, таково властное влияние ходячих формул: чествуются не те, кто действительно оказывают услуги человечеству, а те, кто намечается оккультными силами для занятия престола и получения соответствующего титула.

Сейчас, в пику Чемберлену, осквернившему себя общением с "ненавистными" диктаторами, всячески выдвигается на роль первого государственного мужа и выдающегося ставленника мировой демократии Антони Иден, которого Чемберлену пришлось убрать из своего кабинета как раз потому, что он мешал разумно осторожной политике европейских соглашений.

Ведь совершенно ясно, что всякая другая политика привела бы к войне, что это не личный каприз Чемберлена, и что Франция, в лице Даладье, чей демократизм вне сомнений, определенно прим-

кнула к тому же направлению этих мирных соглашений, — тем не менее мешавший им Иден, ничего творческого сам создать не сумевший, теперь об'является великим человеком, не только кандидатом в будущие премьеры Англии, но и вообще олицетворением всех идеалов истинного демократизма и всеобщего мира.

Уж не знают, как его и называть: он — и “дипломатический Аполлон” и “паладин европейских демократий”, — его торжественно принимает президент Рузвельт, а в Нью-Йорке ему устраивают пан-американский банкет, на котором объединены, за общим обедом пять тысяч человек, — все представители “руководящей общественности” в белых пластронах и жилетах. Произносятся речи о том, что необходимо спасти мировую демократию и до конца бороться за ее идеалы. Это чествование имеет, конечно, самый демонстративный характер в отношении европейской политики Англии, руководимой Чемберленом.

При этом, конечно, образцовой страной уже осуществленных начал истинной демократии признается Америка.

А между тем, самый ее прославленный гражданин авиатор Линдберг оказался в необходимости из этой страны бежать. Вот каковы на самом деле эти демократические осуществления и достижения.

Порядки там таковы, что национальный герой потерял своего первенца, похищенного и убитого вымогателями-разбойниками. Они рискнули поднять руку на единственного тогда ребенка недавно женившегося Линдберга, только что прославившего свою страну, олицетворявшего ее величие.

И что собою представляло следствие по этому делу? Выяснилась картина полной беспомощности властей перед организованными шайками преступников, так что Линдберг должен был сам взять поиски сына в свои руки. Тогда то он и понял, что ничто ровно не гарантирует в Америке дальнейшей безопасности его семьи, его будущих детей, и когда, наконец, получил он в награду за все страдания и поиски труп ребенка, он окончательно эмигрировал в Европу.

В Америке даже нельзя говорить об отдельных шайках преступников — до того крепко вросла организованная преступная деятельность в самый государственный строй с его выборными властями, целиком зависимыми от среды избирателей, где именно преступные элементы являются и самыми активными, и самыми богатыми.

Мы мельком пробегаем в газетах проникающие сведения об американских грабежах и похищениях, но каждая такая выдержка — это красноречивое свидетельство страшной действительности, пока еще в Европе неизвестной. Обратили читатели внимание на недавний доклад юриста Томаса Дэви, которому правительство поручило изучить вопрос о “гангстерах, ракетирах” и о возможной борьбе с ними?

Томас Дэви сообщает, что эти господа организованы в Америке в широко разветвленный трест, работающий, как крупнейшая отрасль промышленности. Трест этот, разумеется, имеет своих тайных агентов и сторонников в среде самой правительственной власти вплоть до высших ее инстанций. Он обладает огромными средствами и содержит тысячи служащих, выдающихся адвокатов и других

специалистов по всяким отраслям. Во главе стоит "генерал-президент", располагающий миллионными суммами, но сам лично ни в каких преступлениях не участвующий.

Тресту принадлежат дома, банки, отели, рестораны и вы даже не можете догадаться, с кем собственно имеете дело, случайно обращаясь по тому или другому адресу. Честная промышленность, честная торговля обложены настоящими налогами треста, о которых приходится, конечно, молчать. Словом, параллельно с великими демократическими учреждениями, под флагом этих провозглашенных и столь ревниво защищаемых свобод создана целая сложная административная сеть другого, но уже преступного государства, паразитарно существующего.

Рядом с большим трестом, откровенно-разбойническим, готовым на всякие преступления, о котором сделал доклад Томас Дэви, имеются и другие, тоже иногда крупные и сложные организации, преследующие более специальные цели, иной раз как будто не столь кровавые. Но, конечно, и тут, если понадобится, не останавливаются перед убийствами, хотя главные руководители всегда в стороне от этих "подробностей осуществления".

Нынешней осенью выяснилось, что член верховного суда штата Нью-Йорк Эдгар Лауэр руководил образцово поставленной контрабандой и, в сущности, в значительной мере держал в своих руках определенные таможенные пункты, где беспошлинно провозились специально предметы роскоши. В это пока подследственное дело оказались замешанными и некоторые известные кинематографические артистки, конечно, главным

образом, на положении постоянных клиенток. Повидимому, привычка играть в фильмах подобные роли навела их на мысль выступить с тем же и в жизни. Интересно отметить, что почтенный судья, богато живущий в Нью-Йорке на Парк-авеню, уже был оштрафован за мошенничество в 1937 году на 10 тыс. долларов, что не помешало ему сохранить и роскошную квартиру и остаться членом Верховного суда. В Америке это случается сплошь и рядом.

А вот еще очень интересная история, только сейчас, совсем недавно подхваченная газетами в виду самоубийства Франка Костера — этого "американского Ставицкого", как его называли. Костер был известным миллионером, председателем самого крупного в Америке фармацевтического общества "Мак-Кессон, Роблис и Ко". Выяснилось однако постепенно, что он вовсе не Франк Костер, как и его компаньоны, двое Дитрихов и Вернард, а это четыре брата по фамилии Музика, сыновья эмигрировавшего итальянского парикмахера, и что полиция напала на след нового грандиозного мошеннического предприятия. Боясь дальнейших разоблачений, Костер застрелился.

По сообщению газет, дело превращается в огромный финансово - политический скандал, так что самому генерал-прокурору федеральной власти поручено вести следствие. В Вашингтоне сосредоточена специальная следственная комиссия для выяснения сообщников и укрывателей среди высших официальных лиц, ибо у Франка Костера, оказавшегося Филиппом Музика, были огромные связи в правительственных и парламентских кругах. Разумеется! Вообще в предприятии участвовали очень многие.

Оказалось, что все аптечное дело было только декорацией, несмотря на огромность оборотов и высокую котировку акций. Сам Филипп Музика, как и все его родственники, были уже неоднократно арестованы, но с тех пор, переименовав имена, не прерывали своих "коммерческих" операций. Глава фирмы Франк Костер приобрел прогоревшее фармацевтическое предприятие и вдохнул в него "новую жизнь". Под этой вывеской "Мак Кессон, Робинс и Ко" шла, во первых, широко поставленная и очень выгодная торговля всякими наркотиками и спиртом, а главное — поставлялось всюду, где только требуется, оружие.

Война Парагвая и Боливии широко снабжалась оружием в обоих лагерях, ее искусственно длили, — тоже самое стало потом проделываться в Китае и в Испании. Фармацевтическая фирма процветала, она имела около 20-ти отделений, со штатом служащих в 10 тыс. человек. "Осторожно, фармацевтические продукты", — стояло на ящиках. Франк Костер

жил в большой роскоши, тратил на женщин и на игру. Но, разумеется, все это можно было проделывать лишь имея очень сильные заручки во влиятельных политических кругах. Уже и сейчас серьезно скомпрометированы некоторые деятели, добивавшиеся от конгресса крупных монополий для Костера. Шла одновременно биржевая игра на повышение акций предприятия, но теперь, после самоубийства, кончилось, полным крахом, и акции аптечного дела можно приобрести дешевле одного доллара — курьеза ради.

Дело очень типичное и характерное для северо-американского быта, — сейчас очередной сенсационный скандал, завтра о нем забудут, а осуществление великих демократических принципов пойдет дальше таким точно путем.

Как же не хлопотать после того за их неприкосновенность? Не рекламировать их в публике и не чествовать грандиозными банкетами "паладина европейской демократии"?
Викинг.

Обзор печати

ФРАНЦИЯ И СОВЕТЫ.

В одном из недавних номеров парижской газеты **Матэн** жирным шрифтом напечатано следующее:

«Не надо позволять ставить себя в смешное положение по вопросу наших дружб и союзов, в основание коих кладутся миражи цифр. Некоторые люди думают нас огулшить, бросая нам убогоприятные цифры в 180 миллионов русского населения. Влияние народа на судьбы мира не измеряется количеством его населения, совер-

шенно так же, как влияние одного человека на судьбу нации не измеряется килограммами его личного веса. Народ может насчитать 180 миллионов двуногих, но если эти 180 милл. полудикие люди, управляемые чурбанами, они не представляют ни малейшего интереса для цивилизованного мира. Могущество народа составляет его мужество в минуты испытаний, блеск его гения в мирное время, его единение, трудолюбие и дисциплина. Несколько миллионов сербов оставят гораздо больший след в истории мировой войны, чем 180 миллионов русских, и союз с малыми державами вро-

де Бельгии или Голландии принесет гораздо больше пользы, чем союз с большими стадами русских или китайцев.

«Никто не требует окружить СССР колючей проволокой, для этого потребовалось бы слишком много проволоки. Просят только, чтобы СССР сидел в своих степях, как дикий зверь сидит в своем лесу. Требуется, чтобы его не вводили в европейскую жизнь, как не приводят в гостинную буйвола. Очень редко, когда удается приручить дикого зверя, и гораздо чаще, когда этот зверь пожирает людей».

Мы с полным удовлетворением помещаем это мнение почтенной французской газеты относительно советского зверинца, «управляемого чурбанами», и пусть эти признания будут назиданием для тех, кто еще имеет желание общаться с диким зверем, или пытаться его приручить.

ГЕРМАНИЯ—ИРАН.

Дэйли Телеграф от 28 ноября сообщает:

«Хитлер пригласил шахиншаха Риза Пехлеви этой весной посетить Германию. Шах принял приглашение, но время его визита еще не определено.

Визит чрезвычайно важен, если принять во внимание стремление Хитлера распространить влияние Германии не только на Черное море, но и на Иран, Ирак, Афганистан, вплоть до границ Индии.

Как уже известно, в Берлине обсуждались некоторые проекты относительно установления германского коммерческого пути между Рейном и заливом Басра — по линии Дунай — Черное море — Транс-Иранская железная дорога. Этому проекту и дружбе с Ираном Германия придавала большое значение даже до решения судетского вопроса. В прошлом году различные германские дельцы посетили Тегеран и изучали здесь возможности установления коммерческих отношений между двумя странами и разработки естественных богатств Ирана с помощью Германии.

Личный уполномоченный шаха генерал Исмаил хан несколько раз побывал в Германии, при чем последний раз он был в прошлой неделе, обошел все фабрики и сделал много заказов для Ирана. Германия в большом количестве может закупать иранское сырье, особенно руду, хлопок и шерсть.

Обсуждался также вопрос о рыбных промыслах на побережье Каспийского моря и об устройстве рыбных консервных фабрик на немецкий капитал. Пока что сейчас установлено прекрасное воздушное германское сообщение Берлин - Багдад - Тегеран. Авионы, делающие рейсы на этой линии, считаются самыми скорыми пассажирскими во всем мире. Полагают, что это воздушное сообщение в будущем году доведено будет до Сиама».

Все это вызывает серьезное беспокойство в советской Москве.

БЕРЕГИТЕСЬ ГРАБИТЕЛЕЙ!

В истамбульских газетах находим любопытное и вместе с тем весьма характерное для большевицких нравов объявление агентства Испанского национального правительства.

Оказывается, большевики, «спасающие» Испанию, не забывают и себя, широко применяя ленинский принцип «грабь награбленное», который привел, как известно, к столь «замечательным» достижениям в советской России — «единственной стране социализма».

«Испанское национальное правительство получает из разных стран сведения о продаже произведений искусства и ценных вещей, украденных или награбленных красными на испанской территории, еще не освобожденной национальной армией.

На вещах зачастую видны номера каталогов. Национальные агенты напали на их следы и даже знают, в чьих руках вещи находятся. В свое время испанское национальное правительство потребует на основании международных законов возвращения

награбленного законным владельцам, покаже предостерегает против незаконных сделок с сомнительными лицами, распропадающими чужое добро».

Да, много красных гуляет по белому свету, даже по женевским улицам с чужими портсигарами в кармане, но где полиция и международный закон?

ХРОНИКА

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Исмет Инону, новый президент турецкой республики, родился в 1884 г. в Измиде. Отец его был чиновником. В 1905 г. он вышел из военной школы в чине капитана артиллерии, причисленного к Генеральному Штабу. В 1910 году он был послан в Иемен, для подавления восстания. Вернувшись оттуда, в 1912 г. в чине майора он принял участие в мирных переговорах на Балканах.

Во время мировой войны, в чине сперва подполковника, а потом полковника, он командовал 3-им, 4-ым и 21-ым корпусами. В то же время он был советником военного министерства, но в виду характера, который принимали события, он бросил все и уехал в Анкару, где был выбран в парламент депутатом от Эдирны и назначен начальником Генерального Штаба. Во время греческого наступления, под Инону, он одержал блестящую победу над силами противника. Он принял участие в Муданской конференции, на которой были упразднены статьи Мудросского трактата, невыгодные для Турции; затем, в качестве министра иностранных дел и первого делегата Турции, он принял участие в Лозанской конференции, где одержал блестящую дипломатическую победу. Произведенный в 1926 г. в дивизионные генералы первого класса, он отказался от военной карьеры, чтобы посвятить себя всецело политике. Известно, что до 1937 г. он стоял во главе правительства.

НАКОНЕЦ-ТО!

Приказом министра внутренних дел от 6-го декабря запрещены продажа и распространение во Франции издающейся в Москве на французском языке газеты «Журналь де Моску». Нельзя не приветствовать этого весьма разумного

распоряжения, ибо московская газета, специально выпускавшаяся для Европы и продававшаяся здесь в Париже всего за 50 сантимов, представляла собой возмутительный листок грубого рекламного обмана по поводу советской действительности и беззастенчивой пропаганды воинствующего коммунизма вне России. «Кавказ» в прошлом номере в статье В. Оленина как раз обращал внимание на этот обманчивый и злобный, сплзволения сказать, орган печати. Так как почти всюду в Европе он уже запрещен, то лишение его французской территориальной базы делает вообще дальнейшее издание бесцельным, и оно вероятно будет прекращено. Советская пропаганда понемногу лишается всех легальных путей, и ей придется очевидно перейти на грязные подпольные листовки, которые никого не интересуют. Разумеется, марксистская печать, хотя якобы и полемизирующая с коммунизмом, очень недовольна новым распоряжением, и социалистическая газета Леона Блюма «Полюэр» даже назвала его «скандальным», поставив в связь с визитом в Париж фон Рибентропа и с подписанием франко-германской декларации.

АЛЕКСАНДРЕТТА — СВОБОДНЫЙ ПОРТ.

По сообщению турецких газет, во исполнение соответствующего пункта договора между Францией и Турцией, предусматривающего обращение Александретты в свободный порт, недавно комиссия турецких чиновников с представителями английской фирмы «Брассерт и Бевес», занятой, как известно, исполнением крупных строительных работ в Турции, выехала в Александретту с целью изучения и исследования вопроса на месте.

«ИЗМЕННИК НАРИМАНОВ».

«Склока» или там «неувязка» в лоне боль-

шевицкой партии бывала и бывает всякая: мы привыкли ко всяким сногшибательным вольт-фасам. Но, если не ошибаемся, это первый раз мы слышим из уст ответственного большевицкого деятеля предосудительный отзыв по адресу тех советских руководителей, ныне покоящихся в могиле (приходится так выразиться), — которые при жизни не были формально осуждены за оппозиционную или иную предосудительную деятельность по отношению к «шефам». Такой «сказус» случился, и надо сказать, отличился этим наши кавказцы: вероятно, наскучившись все время имитировать Москву, они захотели тоже создать что нибудь новое, еще небывалое.

Багиров, кажется единственный — после Берия — большевицкий руководитель «окраины», который сумел сохранить не только свою голову, но и свой пост, произнес на днях в Баку предлинную речь, посвященную «памяти» Кирова. В одном месте своей речи, где предлагается собранию «громить», как Киров, троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических врагов партии и народа», он включил в число «изменников азербайджанского народа» — мы с ним в этом абсолютно согласны — между прочим, и Нариманова, пресловутого доктора Нариманова, который, на старости лет, докатил свой «демократизм» до большевизма.

Вот это место в речи Багирова:

«Еще в 1918 г., задолго до падения советской власти в Баку, когда лучшие сыны нашей партии — Шаумян, Азизбеков, Фиолетов, Джапаридзе, Мухтадир, Кази Магомед, Буннат Сардагов и друг., в невероятно тяжелых условиях, руководя советской властью, продолжали ожесточенную борьбу с контр-революцией за дело рабочего класса, в это самое время изменники азербайджанского народа — Нариманов, Эфендиев и компания, провокационно отказавшись от работы, дезертировали из Баку, злобно клевета на советскую власть в Баку и на ее руководителей...

Отражая интересы азербайджанской буржуазии, национал-уклонисты Азербайджана, возглавляемые Наримановым, Эфендиевым и другими, вели борьбу против создания коммунистической партии большевиков Азербайджана, пытаясь разоружить пролетариат и трудящееся крестьянство и тем самым сорвать победу пролетарской революции в Азербайджане.

Организации единой пролетарской интернациональной, большевицкой партии азербайджанские национал-уклонисты пытались противопоставить создание партии по национальному признаку, т. е. пытались организовать типичную буржуазно-националистическую партию.

Они хотели изолировать коммунистов азербайджанцев от коммунистов других национальностей, рассчитывая таким путем оторвать часть коммунистов азербайджанцев от единой ленинско-сталинской большевицкой партии»...

Разумеется, «бакинская организация большевиков решительно выступила против антипартийной деятельности национал-уклонистов — Нариманова, Эфендиева» и иже с ними.

Вот до чего договорился нынешний секретарь центрального комитета коммунистической партии Азербайджана, который, когда Нариманов «возглавлял» партию азербайджанских большевиков, был еще «подмастерьем».

Тот факт, что «прах» — если так можно выразиться! — Нариманова, «покоится» рядом с мумией самого Ильича на Красной площади, придает непочтительному отзыву Багирова известную пикантность... Авторитет мумии, значит, не оберегает своего «протеже». Тем хуже для Ленина! Сталин развернулся во-сю!

Невольно думается: уж если бы Ленин не догадался умереть собственной смертью, и если бы все эти «паньки» — Шаумяны, Джапаридзе, Азизбековы и др. не были расстреляны англо-белыми —

Не одобровать бы им!

Все они теперь были бы окрещены «извивающимися гадинами», «собачьим отродьем», «псами» и другими терминами, которыми большевики так обогатили русский словарь.

А Ленину не видать бы своей мумии, как своих ушей!

НАРОДНЫЙ ТЕРРОР В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

В октябре, в колхозе «Ени Ел» убиты одна женщина — «активистка» Гюльниса и «бригадир — стахановец» Салим Ахмедов за «разоблачение» ими «вражеских шпек». В первом случае убийцей является сам муж доносчицы Наджаф Кази оглы. Примерная советская жена, оказывается, оговорила перед сельсоветом своего собственного супруга. Убийце дали возможность скрыться, так как крестьяне ненавидят доносчиков и всей душой симпатизируют карателям.